

ЗАГАДКА УГРЮМОЙ ЗЕМЛИ

Чтобы узнать эту древнюю тайну,
абвер готов заплатить
любую цену

Сергей САЛЬНИКОВ

Боевая хроника. Романы о памятных боях

Сергей Сальников

Загадка угрюмой земли

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сальников С. В.

Загадка угрюмой земли / С. В. Сальников — «Эксмо»,
2023 — (Боевая хроника. Романы о памятных боях)

ISBN 978-5-04-188128-3

Лето 1941 года. В район Кольского полуострова забрасывается разведгруппа абвера с целью выяснить, следы какой цивилизации нашла здесь экспедиция советских ученых. Известно, что добытые ими артефакты — бесценны. Нейтрализовать немецких диверсантов поручено отряду НКВД капитана Архипова. У капитана личные счеты с командиром фашистского десанта: тот давно безнаказанно промышляет в советском тылу. Архипов начинает поиски врага, еще не зная, что в этой смертельной схватке самую большую опасность представляет не изворотливый фашист, а один из близких капитану людей... Стратегические планы, удачи и просчеты командования, коварство врага, подвиги солдат и командиров — война, как она есть на самом деле. Подлинность событий нашей недавней истории.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-188128-3

© Сальников С. В., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Книга первая	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сергей Сальников

Загадка угрюмой земли

© Сальников С.В, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Художник – Павел Магась

* * *

Подо льдами Антарктиды мои подводники обнаружили настоящий земной рай! Германский подводный флот гордится тем, что на другом конце света создал для Фюрера неприступную крепость.

Карл Дёниц,

Командующий подводным флотом 1935–1943, Главнокомандующий военно-морским флотом Германии 1943–1945

Книга первая

Глава 1

Германия. Суббота 18 марта 1939 года. Далем (юго-западные окрестности Берлина), Пюклерштрассе, 16. Особняк «Аненербе»¹

10 часов утра

Карта была очень старой. От пожухлого пергамента, на которой она была нарисована, веяло такой глубокой древностью, что любой эксперт мог бы смело отнести пергамент к эпохе наскальных рисунков. Но как бы этот самый эксперт объяснил то, что на этой самой древней карте оказались вдруг изображенными и западное побережье Африки, и восточное побережье Южной Америки, и Антарктида? Ведь доподлинно известно, что все эти континенты были открыты лишь несколько столетий назад, тогда как от вышеупомянутой эпохи человечество отделяют многие тысячи лет.

Мощным и раскатистым звоном каминные часы известили о том, что минула очередная четверть часа. Гитлер чувствовал, как у него за спиной в нетерпеливом ожидании переминаются с ноги на ногу участники совещания, но та навязчивая мысль, что жужжала где-то в подсознании, упорно не хотела воплощаться в конкретное содержание, а мозг категорически отказывался усваивать увиденное. Ибо в подобное действительно невозможно поверить – изрядно выцветшие, но отчетливо проступающие на древнем пергаменте краски до мельчайших деталей передавали рельеф и береговые линии островов и континентов, ниспровергая тем самым дарвинские сказки о сотворении мира.

Это неразрешимое противоречие поглотило Гитлера целиком. Своим воистину звериным чутьем, выработанным за долгие годы борьбы, он чуял, что карта на пергаменте заключала особую тайну, которая сама всплыла из глубины веков и легла на его стол вполне осязаемой вещью. И случилось это как раз тогда, когда он, Адольф Гитлер, без единого выстрела, но одной лишь своей волей! – добился ликвидации Чехословакии. В то время как большинство рейхсверовских генералов уверяли его в том, что Германии при попытке захвата Чехословакии грозило неизбежное поражение.

В его памяти всплыла картинка вчерашнего дня, когда начальник штаба Верховного главнокомандования генерал-полковник Кейтель пришел к нему с докладом:

– Мой фюрер, в результате блистательно завершившейся операции по взятию Чехословакии нам достались тысяча пятьсот восемьдесят два самолета, пятьсот одно зенитное орудие, две тысячи сто семьдесят пять пушек, семьсот восемьдесят пять минометов, сорок три тысячи восемьсот семьдесят шесть пулеметов, четыреста шестьдесят девять танков, свыше одного миллиона винтовок, сто четырнадцать тысяч пистолетов, один миллиард патронов, три миллиона снарядов и другие виды военной техники и снаряжения, достаточного для вооружения сорока немецких дивизий!

¹ «Аненербе» (Ahnenerbe) – «Наследие предков» (нем.). Создано 10 июля 1935 года по инициативе рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, Рихарда Дарре и доктора Германа Вирта. В структуре «Аненербе» работало более пятидесяти институтов в самых различных направлениях. (Здесь и далее прим. авт.)

Голос Кейтеля осип от возбуждения, глаза его горели, но Гитлер раздраженно отмахнулся от его патетики:

– Сорок дивизий?.. Много это или мало, Кейтель, если иметь в виду, что мне их нужно более двухсот?! Полнокровных и отменно вооруженных!

– Но... мой фюрер, людских ресурсов для реализации этого плана явно недостаточно.

– Оставьте, Кейтель! Если следовать наставлениям фон Фрича и Бломберга², то их будет недостаточно даже с учетом мобилизации ресурсов ряда стран континентальной Европы! – Гитлер заходил по кабинету, отчаянно жестикулируя. – Какие же вы недоумки! Вам и в голову не приходит, что ваша эра позиционных войн с длительным противостоянием армий подошла к концу!

Он круто развернулся, и воспаленный взор фюрера пронзил Кейтеля.

– Я, Адольф Гитлер, поставлю весь мир на колени, не растрачиваясь на «обмен любезностями» в открытых сражениях! Молниеносные войны, – вот мой рецепт построения тысячелетнего рейха! Отныне – я его главный стратег!

Довольно отметив побледневшее лицо Кейтеля, он возвысил голос:

– Массированными бомбардировками авиации и дальнобойной артиллерии я сотру с лица Земли любые укрепления, целые города! Мои бронированные кулаки, как нож сквозь масло, будут проходить любую оборону, а это значит, что длительность войн отныне будет определяться протяженностью шоссе дорог противника и запасом дневного хода моих танков! Для тех же, кто рассчитывает на мнимую неприступность, укрывшись за проливами и океанами, мои ученые готовят ошеломительные сюрпризы...

...Тот вчерашний разговор с Кейтелем лишний раз подчеркивал необходимость поиска нестандартных решений, и вот теперь – эта карта. Древняя посланница...

Шумно выдохнув, он еще раз окинул взглядом пожелтый пергамент:

«Да! В этой карте должна быть сокрыта та тайна, которая предопределит ход событий на много лет вперед. Уж если Провидению было угодно сделать меня, безвестного венского художника, фюрером всей германской нации, то кому, как не тому же Провидению, наделить своего избранника всеиспеляющей мощью?!»

При этой мысли кровь вдруг забурлила в жилах. Она вселила в тело такую стремительную легкость, что он сразу ощутил в себе полную причастность к происходящим по воле Провидения событиям.

Гитлер отстранился от стола и с вождением потер руки:

– И все же, профессор, каков действительный возраст этой карты?

Голос Гитлера нарушил гнетущую тишину в кабинете совершенно неожиданно, но профессор Кноль проявил завидную выдержку:

– Видите ли, англичане, завладевшие в тысяча девятьсот двадцать девятом году одним из фрагментов этой карты, приписывают авторство турецкому адмиралу Пири Рейсу³. Они предполагают, что Пири Рейс составил ее в тысяча пятьсот тринадцатом году. У них, конечно, есть на это основания, но мы...

– Вот как? Значит, у этой карты не такое далекое прошлое?

² Вёрнер Фрайхерр фон Фрич (барон, нем. Werner Freiherr von Fritsch), (4 августа 1880 – 22 сентября 1939) – генерал-полковник вермахта, до 1938 года – главнокомандующий сухопутными войсками. Вернер Эдуард Фриц фон Бломберг (нем. Werner Eduard Fritz von Blomberg 2 сентября 1878 – 14 марта 1946) – генерал-фельдмаршал (20 апреля 1936 года), в 1933–1938 годах министр имперской обороны. **5 ноября 1937 года** фон Бломберг и фон Фрич открыто выступили против планов Гитлера, направленных на милитаризацию Германии, и позже были смещены со своих постов.

³ Пири Рейс (Хаджи Мухиддин Пири ибн Хаджи Мехмед) (1465–1554) – известный адмирал Османской империи, картограф. Автор книги «Китаби Бахрийе», в которой подробно описывает лоции Средиземного и Эгейского морей. Составленная им в 1513 году карта мира содержит в себе не открытые еще тогда континенты и не присущие тому времени навигационные обозначения.

– Отнюдь! Факт древнего происхождения этой карты доказан и сам по себе никаких сомнений не вызывает. Даже по первичным оценкам Отдела по изучению писем и символов этому пергаменту далеко не одна тысяча лет и...

– Уж не хотите ли вы сказать, профессор, что англичане так безнадежно тупы?

– Мой фюрер, правоту англичан невозможно допустить даже гипотетически. И не только потому, что изображенная на карте Антарктида была открыта лишь в тысяча восемьсот восемнадцатом году. Вы присмотритесь внимательнее. Вам не кажется, что континент на карте адмирала лишен м-м-м... главного своего компонента?

Мощная лупа в руке Гитлера поплыла над континентом, но тут же дрогнула и застыла. Хотя и безо всякого увеличительного прибора было видно, что и берег и континент на карте были свободны ото льда.

Гитлер посетил «Аненербе» впервые спустя три года после открытия. На этом визите настоял Генрих Гиммлер. Здесь, в одном из самых засекреченных объектов рейха, трудились лучшие умы в не признанных традиционной наукой областях, и Гиммлер с неукротимой энергией уверял его в том, что их последние достижения как нельзя лучше вписываются в концепцию фюрера по завоеванию господства во всем мире. А весна 1939 года выдалась для Адольфа Гитлера чрезвычайно напряженной. К этому времени он уже подписал план «Вайс» о проведении военной операции против Польши, и ему катастрофически не хватало времени, чтобы локализовать предстоящий конфликт с Польшей в дипломатических маневрах великих держав.

Но рейхсфюрер был очень настойчив. И вот теперь, заслушав краткий доклад профессора, фюрер и рейхсканцлер Германии Адольф Гитлер, рейхсфюрер СС Гиммлер, исполнительный директор «Аненербе» штандартенфюрер⁴ Зиверс и профессор Кноль сгрудились у громадного колченогого стола, на котором распласталась всплывшая из глубины веков посланница, и гробовая тишина воцарилась в кабинете.

Профессор торжествовал. Ох уж эти политики! Ведь одно дело – из года в год с маниакальной настойчивостью кроить и перекраивать политическую карту мира. Зато совсем другое дело – география, где еще царствуют незыблемые понятия. Да сейчас любой школяр не задумываясь вам скажет, что километровые толщи льда покрывают Антарктиду уже многие тысячи лет!

Дождавшись, когда фюрер рассмотрит карту, профессор продолжил:

– Поначалу и мы все крайне недоумевали – Антарктида – и безо льда? Но потом обратили внимание на кое-какие детали и показали карту господам из люфтваффе⁵. Мы полагали, что летные картографы разрешат наши сомнения...

– И что же? Каков был ответ?

– Их ответ просто изумил нас! Нет, мы, конечно же, догадывались кой о чем, но ведомство господина рейхсмаршала Геринга дало однозначное заключение. Вот оно...

Эти несколько машинописных строк Гитлер читал и вновь перечитывал так, будто то был Акт о капитуляции Англии, собственноручно подписанный ее премьер-министром.

Наконец лист бумаги скользнул на стол.

– Но ведь это...

– Да, мой фюрер! Я лично связывался со специалистами из люфтваффе: мнение их неизменно – данная карта есть не что иное, как изображение Антарктиды, сделанное с большой высоты, примерно около сорока тысяч метров.

– Выходит, что снимки для этой карты делались... из космоса?

⁴ Штандартенфюрер (*нем.* Standartenführer) – чин (звание) в СС и СА, соответствовал чину полковника.

⁵ Люфтваффе (*Luftwaffe – нем.*) – военно-воздушные силы гитлеровской Германии в период с 1933 по 1945 год.

– Видите ли, сам по себе этот факт у нас не вызывает никакого сомнения... – Профессор изо всех сил старался выглядеть спокойным. – Исследовав все это, мы пришли к поразительному открытию! Мы утверждаем, что в отраженное на карте время положение полюсов не соответствовало нынешнему, а находилось в смещении на пятнадцать-двадцать градусов.

– Не говорите загадками, профессор!

– Из всего этого, мой фюрер, вытекает то, что в начале шестнадцатого века адмирал Пири Рейс либо держал в руках раритеты, дошедшие до него от предыдущей земной цивилизации, либо информацию от пришельцев с неведомой планеты. Ибо нашей, теперешней цивилизации в запечатленное на карте время еще не было.

Тишина в кабинете стала абсолютной. Потрясенные услышанным, все вглядывались на пергаменте в береговые линии Антарктиды, будто ожидая, что на карте континента вот-вот проявятся лица тех, кто изобразил его, пролетая над Землей тысячи лет назад.

Бесшумные вентиляторы исправно нагнетали в помещение кубометры насыщенного хвоей свежего воздуха, но все присутствующие явственно осязали небывалую наэлектризованность атмосферы. Они готовы были поклясться, что исходила она от этого потемневшего от времени пергамента.

– Мой фюрер, нам удалось раскопать еще кое-что...

Гитлер был так поглощен этой невероятной загадкой Антарктиды, что пришел в себя, когда услышал за спиной голос исполнительного директора института.

Штандартенфюрер Зиверс выложил перед Гитлером несколько фотографий:

– Прошу вас, взгляните на эти снимки! Внешне они очень похожи, не так ли?

– На мой взгляд, они совершенно одинаковые. Мне даже кажется, что на них снят один из районов Антарктиды... – Указательный палец фюрера с аккуратно подпиленным ногтем проплыл над картой и словно дротик уткнулся в скалистый берег континента. – Вот этот район. Та же гора пирамидальной формы...

Физиономия Зиверса просияла. Гитлер выпрямился:

– Судя по всему, вы нашли в этом районе нечто очень ценное?

– Нашли, мой фюрер! Но здесь есть одна неувязочка...

Сохранив невозмутимость, Зиверс с ловкостью картежного шулера перетасовал фотографии, развернул их веером и выдернул один:

– Это действительно увеличенный снимок с карты, что лежит перед вами.

Гитлер качнул головой, сотворив ироничную гримасу.

Штандартенфюрер не остался в долгу. Дернув уголком рта, он метнул на стол следующее фото:

– Но вот этот был сделан полгода назад нашим молодым ученым Шеффером⁶. Снимок был сделан... в горах Тибета.

Гитлер поднял голову и недоверчиво взглянул на Зиверса. Тот, оставаясь по-прежнему невозмутимым, подал последнюю фотографию:

– А вот это было доставлено в мою лабораторию две недели назад. Снимок сделан после проявки фотопленки с самолета-разведчика. Выполняя наше задание, он летал с территории Финляндии в глубь Кольского полуострова. На снимке – одна из вершин в Ловозерских горах, что на территории русских.

– Что-о-о?!

⁶ Эрнст Шеффер (E.Scheffer) (1910–1992) – ученый-зоолог, возглавлял в «Аненербе» «Тибетский отдел». Был в Тибете со смешанными экспедициями и в 1931 и 1935 годах. Его экспедиция 1938–1939 годов проходила под эгидой «Аненербе». Экспедиция установила на горе Канченджанга (8586 метров) радиоретранслятор, посредством которого у Ставки Гитлера по 1942 год работал «радиомост» с Лхасой. Экспедиция наработала важнейший материал, установив тесные отношения с тибетскими монахами, считавшими, что Гитлеру действительно по плечу создание сверхчеловека. В 1945 году при штурме рейхсканцелярии в Берлине советскими войсками будут обнаружены мертвые тибетцы в форме СС.

В то, что говорил Зиверс, невозможно было поверить, потому что на всех трех фотографиях были видны очертания практически одной и той же горы пирамидальной формы.

– Докладывайте, штандартенфюрер!

– Я позволю себе начать с нашей тибетской экспедиции Эрнста Шеффера, завершившейся в сентябре прошлого года. Мы вспомнили о ней, когда нам в руки попал этот древний пергамент. Потому что на карте Антарктиды мы обнаружили точно такую же гору, что и Шеффер на Тибете.

– Погодите-погодите, Зиверс! Я помню информацию о находке Шеффера на Тибете. Вы говорите о том самом объекте?!

– Совершенно верно! Это та самая гора неподалеку от Лхасы, где...

– Очень неожиданное совпадение.

– Сейчас уже с полной уверенностью можно сказать, что это далеко не совпадение.

– Продолжайте!

– Из различных источников нам было известно о некоем подземном хранилище, в котором хранятся знания древних, записанные на каменных скрижалях. «Кто будет обладать ими, тот будет управлять миром» – так говорят о них. Десятки исследователей на протяжении почти сотни лет исписали на эту тему гору трактатов. И где только не искали это хранилище: от Монголии и до Ла-Манша. А все оказалось...

– Так вы нашли это хранилище?!

– Похоже на то, мой фюрер! Нам удалось расшифровать один из привезенных Шеффером тибетских манускриптов. В нем говорится о подземном святилище Агартхи, находящемся где-то на русском Севере. Мы тут же сопоставили имеющиеся у нас материалы и обратили внимание на отчет русского академика Барченко об экспедиции на Кольский полуостров в 1922 году.

Зиверс замолчал.

В застывшем взоре фюрера было нечто колдовское. Лицо его вытянулось, а во внезапно расширившихся карих глазах, казалось, мистическими сполохами буйствовал желтый огонь. Мгновение спустя Гитлер перевоплотился в обычного человека.

– Что же вы умолкли, штандартенфюрер?

– Кхм... По свидетельствам участников экспедиции, в Лапландии они обнаружили древний лаз в подземелье, но проникнуть туда им не удалось.

– Что же им помешало?

– Нечто необъяснимое, мой фюрер! Всякий, кто пытался это сделать, испытывал такой невероятный ужас, что...

– Но ведь и Шеффер докладывал...

– Так точно! Вот мы и подумали: не слишком ли много общих закономерностей в этих похожих открытиях? И в Лапландии, и в найденной Шеффером горе на Тибете? Тогда-то и родилась идея послать в тыл к русским самолет, оборудованный фотокамерами. Мы, конечно же, думали всякое, но предположить, что в русской Лапландии обнаружится гора, как две капли воды похожая...

– Где находится эта гора, Зиверс?

– У Сейдозера, в Ловозерских горах, мой фюрер!

Гитлер повернулся через плечо к огромной, во всю стену карте Евразийского континента. Его цепкий взгляд сразу выхватил то место в центре Кольского полуострова. Там, где Ловозеро длинным червем ползло на север, к самому его подбрюшью голубой каплей стекало Сейдозеро.

Гитлер ткнул указкой:

– Здесь?

– Так точно! Теперь у нас нет сомнений – там вход в хранилище.

Гитлер заговорил снова после долгой паузы:

– Зиверс, а вам самому не кажется странным, что у Сталина под носом лежит ключ к мировому господству, а он им не пользуется?

– Я понимаю ваш скепсис, мой фюрер, но непосвященным туда ни за что не войти. В манускрипте говорится, что подземные силы никого туда не пропустят, а упорство приведет лишь к расстройству психики и потере человеческого облика.

– Но как вы планируете подобрать ключи к Агартхи, если доступ туда невозможен?

– Мы ведь не зря побывали на Тибете, мой фюрер! Наши друзья помогут нам, тибетские монахи умеют преодолевать такие запреты.

Пауза вновь была долгой.

– А эта гора в Антарктиде? Как же она увязывается со всем тем, что вы мне изложили?

– Самым непосредственным образом.

Выудив из вороха разнокалиберных схем и карт нужный ему лист, Зиверс разложил контурную карту планеты. Несколько жирных линий на ней вытекали из всех континентов и, пройдя по меридианам, сходились в районе Южного полюса.

– Эти линии есть не что иное, как пустые полости в земной коре. Известные в прошлом исследователи Оссендовский и Сент-Ив д'Альвейдр утверждали, что пустоты эти связаны с центрами духовного и материального могущества, основанными доисторическими цивилизациями. Но если они и предположить не могли, откуда можно подобраться к этим пустотам, то мы теперь можем смело утверждать, что вход в пустоты здесь, в районе Земли Королевы Мод.

Гиммлер не удержался от восклицания:

– Подумать только – какие перспективы сулят нам теплые пустоты под Антарктидой! Если оснастить эти подземелья по последнему слову техники, то в них можно перенести наш рейх и оттуда вершить судьбы всех народов! Это будет абсолютно недоступная для врагов территория. Наш Новый Швабеланд!

Гитлер протестующе вскинул руки:

– Я не берусь говорить сейчас о практической ценности этого факта, Генрих! Лед! – вот что меня интересует. Над той горой сейчас километровые слои вечного льда. Как вы планируете преодолеть их, чтобы добраться до этих подземных пещер?! Как отыскать их под сплошным панцирем?

– Мы надеемся, что наша антарктическая экспедиция...

– Ритшер?⁷

– Верно, мой фюрер! Через месяц мы ожидаем его возвращения из Антарктиды. Он великолепно справился с поставленной задачей. Мы застолбили за рейхом значительную часть континента, но главное здесь то, что с помощью гидроплана Ритшеру удалось там обнаружить пресное озеро. А пресное озеро среди антарктических льдов свидетельствует о наличии в том месте аномально теплой зоны. Так что же это, если не искомые нами пустоты?

– погодите, Генрих... Но лед? Как вы собираетесь преодолеть километровые толщи материкового льда, чтобы добраться до этих пустот?

Зиверс словно ждал этого вопроса:

– У наших подводников есть мнение, что вход можно обнаружить, поднырнув под лед со стороны океана. Но мы все уверены – ключ к пустотам Антарктиды находится в Лапландии, мой фюрер! Там, в Агартхи, мы рассчитываем найти доступ к таким совершенным технологиям, что даже многокилометровый лед Антарктиды станет для нас вполне преодолимым препятствием. Имею честь доложить вам, что наш агент уже проводит основательную рекогнос-

⁷ Альфред Ритшер (Alfred Ritscher), (23 мая 1879 – 30 марта 1963) – капитан германских ВМФ, возглавлял антарктическую экспедицию на судне «Schwabenland» (17.12.1938–12.04.1939). Новая территория рейха была названа Neusch wabenland («Новая Швабия», ныне – Земля Королевы Мод).

цировку в том районе русских. Так что когда ведомый вашей волей вермахт шагнет на восток, то мы поднесем вам ключ от древнего хранилища.

В глубокой задумчивости Гитлер стал курсировать из угла в угол. Он очень нуждался в помощи сторонних сил. Ведь если и прошлогодний бескровный аншлюс Австрии и Судет⁸, и нынешнее образование протектората Богемия и Моравия на месте бывшей Чехии⁹ произошли молниеносно и при полном попустительстве Англии и Франции, то теперь следовало бы заполучить более весомые козыри, чтобы так называемые мировые лидеры и впредь были более сговорчивыми.

Ну а какой козырь лучше явной силы? Со времен Аттилы еще никому не удавалось опровергнуть ее значение как главного аргумента в дипломатии! К тому же в последнее время его сильно донимала некая двойственность при выборе приоритетов. С одной стороны, необходимо было как можно скорее устранить с карты политического влияния Англию, а с другой стороны, разделаться с Россией, пока та не окрепла. Но сейчас, перед лицом таких фактов...

По участвовавшим шагам фюрера и Гиммлера, и Зиверса поняли, что он принял судьбоносное решение. И они не ошиблись.

Гитлер остановился и круто развернулся к Зиверсу. Его глаза вновь были полны того самого желтого мистического огня.

– Зиверс, я даю вам карт-бланш! Все, что необходимо для предстоящих мероприятий, вы получите немедленно. Генрих, проследите за этим лично!

⁸ О воссоединении с Австрией Гитлер объявил 12 марта 1938 года, когда немецкая армия вошла в Австрию. А 10 октября 1938 года, согласно Мюнхенскому соглашению, к Германии была присоединена Судетская область, расположенная в западной части Чехословакии, где преимущественно жили этнические немцы.

⁹ Богемия и Моравия были объявлены протекторатом Германии 15 марта 1939 года.

Глава 2

Ленинград – Хибиньы – Петрозаводск. 28 августа – 5 сентября 1940 года

Из оперативных документов Главного управления госбезопасности НКВД СССР:

Шифрограмма за № ... от 28.08.1940 г.

«Начальнику Главного управления госбезопасности НКВД СССР Меркулову.

... докладываю, что сегодня в 9 часов утра на Кольском полуострове в районе Ловозера был зафиксирован выход в эфир неопознанного коротковолнового радиопередатчика... Переваченный текст передан в дешифровальный отдел IV управления.

Начальник Особого отдела НКВД Ленинградского военного округа Сиднев».

Шифрограмма за № ... от 30.08.1940 г.

«Начальнику Главного управления госбезопасности НКВД СССР Меркулову.

... по факту сеанса радиосвязи из района Ловозера дополнительно докладываю:

Сегодня в Ленинград прибыл из Берлина советник германского торгпредства Вильгельм Шорнборн. Официально целью его поездки заявлена командировка в город Кировск на горно-химический комбинат, откуда осуществляются поставки в Германию апатитового сырья. Но мне представляется, что прибытие господина Шорнборна и заявленная им поездка на Хибиньы связаны именно с зафиксированным сеансом радиосвязи, так как нам доподлинно известно, что Вильгельм Шорнборн на деле является сотрудником германского абвера...

Для контрразведывательных мероприятий на место мною отправлена оперативная группа капитана Архипова...

...Сиднев».

– А-а-а!!!

Кричали где-то рядом.

Этот пронзительный крик мог свести с ума, но выстрел оборвал его. Он прозвучал сухо, как щелчок треснувшего под ногой ореха, а следом длинной очередью сухо закашлял автомат. За грохотом падающей и разбивающейся посуды истошно завопила девица, но ухнул оглушительный взрыв – и все разом стихло.

Сияясь проснуться, Архипов тяжело мотнул головой. Но отзвуки взрыва еще резонировали в пространстве.

Архипов сунул руку под подушку. Ребристая рукоять нагана привычно легла в ладонь. Он открыл глаза. В купе было темно. Поезд замедлял ход. За окном в тусклом свете фонарей медленно проплывали какие-то тени. Наконец вагон еще раз дернуло, и поезд остановился. Архипов приподнял голову. Володя Болотников сидел внизу у окна. Приподняв краешек занавески, он явно за чем-то наблюдал, блаженно оскалившись белоснежными зубами.

Едва Архипов пришел в себя, как за окном надрывно застрекотал автомобильный стартер, что-то вновь с оглушительным грохотом бухнуло, и кто-то завопил истошным голосом:

– Назад!!! Степка! Сейчас же сдавай назад, раззява!!! Ты мне всю посуду подавишь!

Архипов отдернул шторку. Поезд стоял на ночном полустанке. Вдоль освещенного желтыми фонарями перрона тянулся длинный пакгауз, а у его распахнутых ворот уткнулась радиатором в штабель ящиков и молочных бидонов старенькая полуторка. Грохнувшиеся с высоты бидоны еще скакали по перрону, а по луже растекающегося молока сновали несколько женщин, собирающие продавленные ящики и битое стекло.

Белобрысый паренек тщетно пытался оживить мотор автомашины. Он все давил и давил на стартер, но полупорка только тряслась и громко чихала. Наконец мотор выдал еще одну трескотливую очередь, машина окуталась сизым удушливым дымом и завелась.

Женщины разом загалдели, накинувшись на незадачливого паренька:

– Степка, мать твою! Немедленно убирай свой тарантас от пакгауза!

Под их нескончаемый гвалт полупорка, отчаянно чадя, прокатила вдоль вагона.

Архипов откинулся на подушку. «Вот померещится же...»

Грудь его работала словно кузнечные меха, как после утомительного забега в День Красной армии, когда он первым пересек финишный створ. Гася возбуждение, он несколько раз глубоко вздохнул и выдохнул.

Учув пробуждение начальства, лейтенант Болотников переместился к двери и занял свой пост, отворив дверь на едва заметную щелочку. Тем временем раздался паровозный гудок, состав громыхнул сцепками, и поезд тронулся.

Архипов блаженно растянулся на верхней полке – впервые за последние несколько суток ему удалось выспаться. Лелея мечту о предстоящем завтраке со стаканом горячего крепкого чая и кусковым сахаром вприкуску, он подставил лицо потоку прохладного воздуха.

Ветерок через приоткрытое окно лениво трепыхал шторку. Что может быть прекраснее, когда вот так лежишь у окна поезда, уносящего тебя вдаль, и вдыхаешь ночной настой, состоящий из свежего запаха дальнего леса, туманной сырости, поднимавшейся из окрестного болотца и вкусного угарно-терпкого паровозного дымка. Ощувив единение с летящим в ночи поездом, ты вздохнул вдыхаешь этот ночной коктейль, а валко покачивающийся вагон под дробный аккомпанемент стремительно уносит тебя в ночь. А ты лежишь и думаешь только о чем-то хорошем. И незачем ломать голову над причинами и следствиями, ибо все сомнения от незнания. Как говаривали бывалые люди – истинные озарения приходят со свистом пуль! А здесь не стреляли...

Архипов смачно зевнул. Но следующая мысль прервала этот сладостный процесс, едва не заклинив ему челюсти. Не раздумывая ни секунды, он соскочил вниз.

– Доброй ночи, товарищ капитан! Выспались?

Лейтенант Болотников лучился приветливой улыбкой, но, увидев выражение лица командира, в мгновение переменялся.

– Тсс, тихо, Володя, тихо... Ты давеча ничего не слышал?

Лейтенант также ответил шепотом:

– Н-нет! Полупорка только эта и бабы... а так – вроде все тихо! А что, товарищ капитан?

– Возможно, мне показалось, но мы с тобой это сейчас проверим.

Они ехали в мягком вагоне. Учítывая, что за последние несколько суток толком выспаться им так и не довелось, они решили использовать ситуацию с максимальной пользой для себя – один дежурит у двери, другой, в свою очередь, спит. И эти два часа, отведенных для сна Архипову, судя по часам, давно уж истекли. Но капитан не стал отчитывать Болотникова за мальчишеское благородство, быстро обулся и оправил гимнастерку.

Поезд уже набрал скорость. С дробным стуком колеса проносились по стыкам, и вагон здорово покачивало. В коридоре было темно. Лишь скудный свет от фонарей пронесившихся полустанков и дачных платформ иногда освещал его, но Архипову и без этого было видно, что в коридоре никого нет.

Он на цыпочках подкрался к соседнему купе. Прильнув ухом к двери, долго вслушивался. Затем, удерживаясь за поручни, направился к проводнику.

– Не спитесь? Может, вас чайком попотчевать, товарищ капитан?

Сонный проводник, сухопарый пожилой мужчина с рыжими обвисшими усами, смахнул с газеты хлебные крошки, свернул ее и потянулся к шкафчику, но Архипов остановил его:

– Вот что, э-э... Матвей Поликарпыч! Вы лучше скажите: Петрозаводск-то скоро?

– Да вроде примерно через часок.

– Вот и чудесно! Вы пройдите, пожалуйста, сейчас к четвертому купе и, как полагается, объявите об этом пассажирам. Там ведь двое едут?

Архипов вернулся к своему купе. Лейтенант ждал его с «ТТ» наготове. Архипов кивнул ему на стенку смежного купе и махнул проводнику. Тот водрузил на голову форменную фуражку и прошел по коридору. У четвертого купе он остановился и постучал ключом в дверь:

– Петрозаводск, товарищи! Скоро подъезжаем, прошу приготовиться...

На голос проводника никто не отозвался. Проводник постучал еще раз. Не получив ответа, растерянно оглянулся.

Архипов отстранил проводника и рванул на себя дверь. Ветер из распахнутого настежь окна отчаянно полоскал оконную шторку и метал по купе перья из простреленной подушки. Подушка эта валялась на полу, а на полке лежало неподвижное тело с бурым пятном на груди.

Никого более в купе не было...

...Они прибыли в Кировск в одном поезде с советником германского торгпредства Вильгельмом Шорнборном. Вернее, они сошли вслед за ним на станции Апатиты, проследили, как советник сел в автобус до Кировска, а уж потом поехали следом на машине местного райотдела НКВД.

Было это еще пять дней назад. Оперативная группа капитана Архипова, в которую входили лейтенанты Севергин и Болотников, должна была в предельно сжатые сроки проделать колоссальную работу, чтобы определить: за какой надобностью «советник», а на самом деле – резидент абвера Вильгельм Шорнборн прибыл в такую глухомань, как этот район Кольского полуострова?

Накануне у Архипова был обстоятельный разговор с начальством. А любое начальство, как известно, очень любит задавать вопросы, нимало не заботясь о том, как ты найдешь на них ответы. Справедливости ради, Архипов разделял озабоченность начальства: то, что сообщник у Шорнборна в этом районе был, сомнению не подлежало – ведь кто-то же выходил в эфир. Но вот что в этой глуши влечет немцев? Что они затевают? Диверсию на горно-химическом комбинате? Но тогда еще вопрос: какого ляда их рация выходила в эфир так далеко от города? Зачем они пошли на риск, связанный с транспортировкой и использованием рации в столь безлюдном месте?

Вопросов много, но лишь одно было ясно – в этом районе действительно есть нечто, так заинтересовавшее абвер. Словом, задание было не из простых, и при этом не было ни единой зацепки. Так что, когда по приезде в город Шорнборн направился в управление комбината, Архипов уединился в гостиничном номере со старшим оперуполномоченным местного райотдела НКВД Рыдлевичем:

– Как говорил старый Мойша на моей Могилевщине – давайте будем посмотреть.

Рыдлевич разложил на столе карту.

– Вот этот район, откуда они выходили в эфир... – Палец оперуполномоченного уперся в район горы, обрывающейся крутым северным склоном к Сейдозеру. – Вот здесь разворачивается строительство Карнасурского рудника. Здесь, в двадцати километрах от него саамское село Ловозеро... – Он очертил полукруг вдоль северной подошвы гор Ловозерской тундры. – Кроме оленеводческих становищ и рыболовецких артелей по берегам Ловозера, в этой зоне нет ничего особого. А не может ли это быть самой заурядной маскировкой? Протопал резидент с рацией сто верст по тундре, а ты гадай потом: в чем их бубновый интерес?

– Ничего себе, маскировка – шастать по всему району с рацией на плечах! Нет, товарищ Рыдлевич, нужда их заставила выйти в эфир! По всему видно – крепко они за что-то здесь ухватились. Но вы правы, мы должны отталкиваться не от объекта, а внимательно поглядеть на тех, кто по роду своей работы может свободно бродить по этому необжитому району, не

вызывая подозрений. Я не могу представить оленевода в роли немецкого резидента, залихватски отстукивающего морзянку.

По расплывшемуся лицу Рыдлевича Архипов понял, что попал в яблочко.

– Такие лица есть. – Рыдлевич достал из планшета исписанный лист и положил его на стол. – Те, что в списке вычеркнуты красным карандашом, – это люди из интендантской службы воинской части и из системы исправительных лагерей. Нет, они бывают всюду, так как занимаются заготовкой и для своей части, и для строителей рудника, но все эти люди, нами проверенные.

– Кто же в остатке?

– Начальник нашей метеостанции и геодезист Петрозаводского топографического отряда. Вполне допустимо, что им может быть еще и некто из Управления геологии.

– Геологи отпадают. Никому из геологов полевые задания в тот район не выдавались, и геологи в указанное время были на виду. Так что остаются эти двое.

– Не совсем – начальник метеостанции уже неделю как в отпуске. Он с семьей находится в Киеве, у родственников. Факт проверенный, сомнения не вызывает.

– Значит, только один – геодезист?

– Да, Чапыгин Вениамин Павлович.

– А вы не допускаете, что если Чапыгин был в Ловозерском районе в день выхода рации в эфир, то и сейчас он все еще может быть здесь?

– А я звонил в Ловозеро вчера вечером председателю тамошней артели, товарищ капитан.

Архипов с интересом посмотрел на Рыдлевича. Этот рассудительный крепыш нравился ему все больше.

– Я попросил его разузнать, не поднимая шума, бывал ли у них Чапыгин? С кем да о чем говорил? Так что... – Рыдлевич осекся на полуслове, потому что в дверь постучали.

– Вас приглашают к телефону, пройдите к дежурному администратору!

Архипов с Рыдлевичем в мгновение ока домчали до комнаты дежурной.

Но звонили не из Петрозаводска. Лейтенант Болотников сообщал Архипову, что только что из управления горно-химического комбината в райотдел НКВД отправлена телефонограмма с ходатайством о предоставлении разрешения на охоту для советника германского торгпредства Шорнборна и его провожатого.

Едва Архипов положил трубку, как прямо под окном у гостиницы остановилась машина, а минуту спустя в холл вошли двое. Один из них по-военному шагнул к Рыдлевичу. Он вполголоса о чем-то стал докладывать, в то время как его попутчик – старый лопарь¹⁰ в национальных одеждах – с нескрываемым любопытством озирался. По его смуглому лицу уже побежали в разбег ручейки морщинок, и голова была седа, но спину старик держал прямо, да и в раскосых глазах читалась еще немалая жизненная сила.

Старик осмотрел Архипова с головы до ног и обратился к нему, по неведомо каким признакам определив старшего:

– Такое дело, начальник! Председатель велел идти к тебе и все рассказать, такое дело.

Старик Гаврилов оказался оленеводом из становища близ Ловозера. Из его рассказа следовало, что геодезист Чапыгин появился у них еще весной прошлого года. Некоторые из местных жителей видели этого геодезиста и раньше, когда еще только планировалось строить рудник неподалеку от их становища. Чапыгин был одним из тех, кто помечал их горы столбиками с выжженными на них цифрами. Потом его долго не было, а с нынешней весны он опять зачастил к Сейд-озеру, расспрашивая стариков о человеке по фамилии Барченко, который еще в начале двадцатых был в этих краях с экспедицией из Петрограда.

¹⁰ Лопарь – так на Кольском полуострове называли ранее коренных жителей – саамов.

– Как я не знай Барченко? Очень хорошо его знай, такое дело...

И старик поведал, как он водил Чапыгина по тем местам, по которым почти два десятка лет назад водил и академика Барченко с его научной экспедицией.

– Барченко большой человек был, важный! И стариков наших уважал, и с духами разговаривать умел. Поэтому, такое дело, мы ему все здесь показали.

– А Чапыгин что ж? Ему-то за что такая почеть?

Старик вынул трубку и принялся набивать табаком, уминая его большим пальцем:

– Чапыгин тоже большой человек! Кто из наших знает сопки лучше, чем я знаю все морщинки на лице моей старухи? А Чапыгин знает! Как было отказать ему? – Раскурив трубку, старик прищурился от дыма. – Только к заклитой горе у Сейдозера Чапыгин сам ходил. Дорогу я ему показал, а сам пойти не захотел. Нельзя тревожить злой дух Куйвы¹¹. И на гору подниматься тоже нельзя, такое дело.

– Это почему же?

– Нинчурт твою жизнь себе забирай, такое дело. Может, сразу помрешь, а может, следующей зимой, кто знает? Там много люди пропадай, я так Чапыгину и сказал. Только он меня не слушай, а зря. Его смерть уже сюда приходи.

Рыдлевич оборвал старика:

– Ты, дед, нам этими шаманскими штучками голову не заморачивай! Скажи-ка лучше, где эта «заклтая гора» находится! Вот карта, давай вместе посмотрим.

Через несколько минут подробных расспросов и объяснений старик уверенно ткнул заскорузылым пальцем в точку на южном берегу Сейдозера.

Архипов присвистнул. Но Рыдлевич опере- дил его:

– Скажи, отец, а когда Чапыгин был там в последний раз? Хотя бы примерно.

– Зачем примерно? Три дня назад он там был, такое дело.

Архипов с Рыдлевичем переглянулись:

– Три дня назад... то есть двадцать восьмого это было? Так?

– Выходит, что так, однако. Оленуха в тот день ногу подвернула, пришлось зарезать, зачем добру пропадай? Вот Чапыгин тогда и приходи, моя старуха его мясом угости.

Больше ничего важного из старика им вытянуть не удалось, и они отпустили его.

В конце концов, ответ на самый главный вопрос получен – «заклтая гора Нинчурт» и была той самой горой, из района которой выходила в эфир искомая радиостанция. И в этот день Чапыгин был на Нинчурте.

А вскоре пришла и телефонограмма из Петрозаводска:

«Геодезист топографического отряда номер девять Чапыгин В. П. 26 августа был откомандирован с производственным заданием в Ловозерский район, где и находится в настоящее время...»

Рыдлевич загорелся:

– Теперь ясно, на какую «охоту» собирается Шорнборн! Будем сопровождать его?

– Ни в коем случае! Тут ему деваться некуда, сам выйдет из тундры.

– Что ж, тоже верно, дождемся, возьмем по-тихому его провожатого и подробненько пораспросаем, а там и Чапыгин объявится, не век же ему по тундре бродить?

Но Архипов, слушая Рыдлевича, думал о своем: «Что искала, а вернее – что нашла здесь в двадцатых годах та загадочная экспедиция Барченко? Не ее ли след взяли немцы?»

...Шорнборн объявился в городе только через трое суток, уже ближе к ночи. К несказанному облегчению Архипова, вернулись они из тундры всей теплой компанией. Шорнборн выделялся своей знатной егерской экипировкой, а Чапыгина несложно было опознать по опи-

¹¹ Куйва – семидесятиметровое изображение человека на двухсотметровой отвесной скале у Сейдозера особо почитаемо у саамов, как и само озеро (по-саамски «Сейтявр»). Сейт – дух, вселившийся в камень.

санию – по пижонским усикам и старомодной бородке-эспаньолке. Вместе с ними был и Усов, разнорабочий того же топографического отряда, а ныне провожатый германского советника.

Коротко посоветовавшись у гостиницы, Шорнборн с Чапыгиным направились в гостиницу, а Усов поспешил к автобусной остановке, где уже стоял автобус к железнодорожной станции.

За время их отсутствия Архипов попытался было обнаружить хотя бы лучик света в окружающих его потемках, но дешифрованного текста радиограммы от руководства он так и не получил, а на запрос по поводу экспедиции Барченко удалось раскопать заметку в газете «Красный пролетарий». В подшивке за 1922 год от 19 февраля обнаружилось упоминание о том, что: «...в Лапландии профессор Барченко открыл остатки древнейших культур, относящихся к периоду, древнейшему, чем эпоха зарождения египетской цивилизации...» Далее в этой газете была обозначена некоторая дискуссия на эту тему, но в последующих выпусках и она сошла на нет ввиду иных проблем того смутного времени в истекающей кровью стране. Короткое известие, но над ним стоило хорошенько подумать. А пока Архипов со своей группой и Рыдлевичем наблюдали за «охотниками» через витрину продмага, стоявшего напротив гостиницы. Время было позднее, и магазин к тому времени был уже давно закрыт.

Глядя на то, как Усов забирается в автобус, Рыдлевич указал на часы:

– На станцию спешит! Через два часа поезд в Петрозаводск.

Архипов кивнул лейтенанту Болотникову:

– Володя, дуй за Усовым, приклейся к нему, но ни на шаг не отпускаяй! А мы за этими двумя присмотрим, чую я, что долго они засиживаться не будут. Встретимся на станции.

Болотников выскользнул через заднюю дверь магазина, слился со спешащими к автобусу пассажирами, и вскоре автобус отошел от площади. И вновь медленно потянулось время.

Геодезист вышел от Шорнборна, когда к остановке подошел последний автобус к станции Апатиты. Огладив пятерней пижонскую бородку, Чапыгин нахлобучил на голову капюшон, подхватил рюкзак и юркнул в автобус.

– Лейтенант, остаешься в гостинице присматривать за Шорнборном!

– Есть!

Лейтенант Севергин ушел в гостиницу, а Архипов с Рыдлевичем поспешили к своей «эмке». Ехали долго, держась в некотором отдалении от автобуса.

У станции их встретил лейтенант Болотников:

– Усов купил в кассе два билета до Петрозаводска, и только что последним автобусом приехал Чапыгин. Вон они, голубки! Воркуют о чем-то у края платформы. Я взял билеты, как и они, – до Петрозаводска, в соседнее с ними купе.

...Эти события последних дней промелькнули перед глазами Архипова в тот момент, когда он увидел бездыханное тело Усова, лежащее на верхней полке.

Простившись на станции со старшим оперуполномоченным НКВД Рыдлевичем, они сели в поезд, полагая, что до Петрозаводска уж точно ничего не произойдет, и решили отоспаться, сменяя друг друга. И вот перед ними тело убитого Усова, а геодезист Чапыгин бесследно исчез.

Оставшееся время до прибытия в Петрозаводск Архипов потратил на тщательный осмотр места происшествия, но так ничего интересного и не обнаружил. Единственное, что было ясно совершенно точно, – это то, что геодезист застрелил своего подельника через подушку, сиганул в окно – и был таков.

В Петрозаводске Архипов из кабинета начальника райотдела НКВД связался с руководством. Сиднев был в ярости:

– Их надо было брать сразу еще там, в Кировске! А теперь что? Оборваны единственные нити, ведущие к Шорнборну! Что прикажешь делать с ним теперь?

Дождавшись, когда высокое начальство стравит пар, Архипов еще раз настойчиво изложил ход событий:

– Товарищ комиссар государственной безопасности! Этот Усов был у них просто за прожорливого. Он, по существу, и знать-то не мог что-либо сверх того, что нам и так известно.

– А нам-то что известно, капитан?

– А то, что абвер проявляет интерес вовсе не к промышленной зоне Хибин, а к тому, что было обнаружено здесь экспедицией академика Барченко в двадцать втором году! Нам необходимо срочно получить доступ к его отчетам. Именно с этим я связываю убийство Усова, и ни с чем иным. Посмотрите на личность убитого – оболтус, более полугодом на месте нигде не задерживался, работал разнорабочим. Ну разве мог кто-либо доверить такому свои секреты? Однако ж его убили? Убили! Значит, все кроется только в том единственном, что он мог знать – маршрутах передвижения Шорнборна и геодезиста.

Молчание в трубке было долгим.

– Что вы намерены предпринять?

Когда Сиднев переходил на изысканные формы обращения, это было верным признаком потепления в отношениях. Архипов приободрился:

– Лейтенанта Болотникова я оставляю в Петрозаводске с засадой на квартире геодезиста. Сам звоню в Кировск, даю поручение блокировать подходы к Шорнборну и затем выезжаю к ним. Буду ориентироваться на месте.

– Вы думаете, что после произошедшего геодезист объявится в своей квартире?

– Не думаю. Но в любом случае геодезист будет искать встречи с Шорнборном, а тогда-то мы его и прихватим.

– Хорошо! Действуйте...

– Но, товарищ комиссар...

– Что еще?

– Нужен дешифрованный текст радиограммы и материалы экспедиции Барченко! В них ключ к операции абвера, и нам...

– Запрос отправлен мною на самый верх. Ждите, капитан! Все, отбой.

Обратно в Кировск Архипову удалось добраться лишь к полудню. Изложив вкратце все, что на тот момент было возможно, Архипов приготовился выслушать отчет Севергина. Но отчет был на удивление лаконичным:

– Советник сегодня из номера не выходит, видимо, отсыпается после охоты.

На лице лейтенанта Севергина проступила редкая щетина, да и глаза заметно отливали краснотой, но он всем своим видом демонстрировал капитану неиссякаемую бодрость и готовность к действию.

– Что значит: «отсыпается»?

– Так еще со вчерашнего вечера советник дежурную предупредил: «Не тревожить, мол, буду отдыхать!»

На сердце капитана опять появилась нехорошая тяжесть:

– Анатолий Денисович, в номере Шорнборна ведь стоит телефон?

Рыдлевич с готовностью отозвался:

– Верно! Комбинатовцы накануне его сами устанавливали, как раз к приезду советника.

– Вы не могли бы организовать звонок в его номер? Скажем – от секретаря директора?

Рыдлевич сразу уловил, что за тревога стоит за просьбой Архипова. Он нахмурился и стремительно вышел из номера.

Вернулся спустя несколько минут:

– На звонок никто не отвечает.

– Та-а-а-ак... Лейтенант, блокируйте выход из гостиницы.

– Есть! – Севергин выскочил из номера.

– Анатолий Денисович, идите к дежурной и принесите запасной ключ от номера советника. Жду вас у его номера.

Два пролета лестницы, ведущей на второй этаж, Архипов преодолел одним махом. Рыдлевич тоже не заставил себя ждать. К номеру Шорнборна они подошли не таясь. Архипов постучал:

– Вам срочная телеграмма!

Ответа не последовало. Его не последовало и после того, как Архипов постучал в дверь еще раз.

Рыдлевич потянул его за рукав:

– Но как он ушел? Как?! Не мог он уйти, не мог...

Оставив его вопрос без ответа, Архипов провернул ключ. В небольшой гостиной с громоздким кожаным диваном у стены никого не было. Дверь в спальню была приоткрыта. Архипов остановил Рыдлевича и ногой толкнул дверь.

Он сидел у книжного шкафа. Выражение лица его было таковым, как будто он проснулся и увидел себя лежащим на рельсах перед неотвратимо надвигающимся железнодорожным составом. Но это было вызвано вовсе не тем, что он увидел вошедшего Архипова. Зрачки его сведенных в одну точку глаз застыли на некоем длинном предмете, торчащем у него из груди. Очевидно, что объятное животным страхом тело дернулось в последний миг своей жизни, но, пронзенное трехгранным штыком, так и застыло, оказавшись пришипленным к громоздкому книжному шкафу.

Наступила удивительная тишина, и только издали до Архипова доносились какие-то оглушительные звуки, будто кто-то со всей мочи барабанил веслом по опрокинутой лодке. До него не сразу, но дошло, что он слышал стук своего собственного сердца. И не от того, что он слыл впечатлительной особой, нет. На своем веку ему приходилось видеть нечто и более впечатляющее. Но вот только увидев тело, ему вспомнилась недавняя встреча со старым саамом Гавриловым и его слова.

Рыдлевич вошел в спальню и замер на полушаге:

– Так это же...

Вероятно, сейчас он слушал тот же концерт неистового барабанщика, который минуту назад слышал и Архипов. Во всяком случае, дар речи вернулся к нему не сразу:

– Как же так?

Глядя на изумленное лицо Рыдлевича, Архипов вновь, как наяву, услышал те пророческие слова старика Гаврилова:

– «Нинчурт твою жизнь себе забирает, такое дело. Может, сразу помрешь, а может, следующей зимой. Там много люди пропало, я так Чапыгину и сказал. Только он меня не слушай, а зря. Его смерть уже сюда приходи...»

Это все было еще удивительно тем, что именно геодезиста Чапыгина, а не советника Шорнборна смерть скрутила в этом номере в безжалостной конвульсии и, надо полагать, сделала это давно.

Первый осмотр закоченевшего тела дал понять, что смерть наступила не позднее вчерашнего вечера. А значит, и в поезд вместе с ними сел не умерший к тому времени геодезист Чапыгин, а замаскировавшийся под его обличье агент абвера Вильгельм Шорнборн. Именно он и оборвал обе нити, ведущие к разгадке зловещей тайны.

Шифрограмма за № ... от 06.09.1940 г.

«Начальнику Главного управления госбезопасности НКВД СССР Меркулову.

...по делу советника германского торгпредства Шорнборна докладываю:

В ходе проведенных спецмероприятий группе капитана Архипова удалось установить состав резидентуры и определить, что сотрудник абвера Шорнборн и два его агента – геодезист топографического отряда Чапыгин и разнорабочий того же отряда Усов, вели поиски следов экспедиции академика Барченко, предпринятой им в 1922 году. Результаты этой экспедиции нам не известны, но нам представляется, что речь идет о чем-то чрезвычайно важ-

ном. После выхода Шорнборна и его агентов из трехдневного похода по Ловозерской тундре группой Архипова с 4 на 5 сентября была предпринята попытка проследить их дальнейшие действия для выявления ближайших намерений, но Шорнборн устранил обоих своих агентов, а сам исчез, выпрыгнув на ходу из поезда Мурманск – Ленинград. В номере гостиницы, где проживал Шорнборн, был найден лишь обгорелый уголок сожженной записки с явственно читаемыми начальными словами: «Для Персея...» Известные нам обстоятельства позволяют сделать единственно возможный вывод, что гибель агентов абвера Чапыгина и Усова, а также исчезновение Шорнборна никак не связаны с действиями оперативной группы капитана Архипова, а на основании вышеизложенного становится очевидным: Шорнборном (ему предположительно принадлежит кодовое имя «Персей») и его подручным удалось выйти на след экспедиции Барченко и достигнуть конечной цели своего задания. Устранение им Усова и Чапыгина подтверждает несомненную и чрезвычайную важность полученной информации и связано лишь с желанием абвера максимально сузить круг лиц, причастных к этой операции.

Нами незамедлительно были приняты меры к отысканию тех следов, по которым шли агенты абвера, но длительные поиски, которые велись в районе Сейдозера без малого почти двое суток, ничего не дали. Кроме того, при проведении поисковых работ в районе горы Нинчурт бесследно исчезли два военнослужащих из охранного взвода НКВД. Их поиски ведутся круглосуточно. На основании вышеизложенного предлагаю:

– объявить на морском и железнодорожном транспорте и на пограничных заставах Ленинградского военного округа круглосуточную готовность на случай возможного проникновения Вильгельма Шорнборна через государственную границу СССР;

– обеспечить группе капитана Архипова доступ к архивным материалам по экспедиции Барченко 1922 года;

– санкционировать проведение более масштабных розыскных мероприятий силами НКВД и частей Ленинградского военного округа в Ловозерском районе по плану капитана Архипова, если таковой будет иметь место.

Начальник Особого отдела НКВД Ленинградского военного округа комиссар госбезопасности 3 ранга Сиднев».

Глава 3

Германия, Берлин. 8 сентября 1940 года. Далем, Пюклерштрассе, особняк «Аненербе»

Теплое утро располагало к хорошему настроению. От тенистых аллей несло свежестью и пряными ароматами ранней осени. Бездонное синее небо, отражаясь в лужицах на помытых садовником дорожках, переполняло души прохожих безмятежностью. И внешний вид офицера в щегольской армейской форме и с безупречной выправкой как нельзя лучше соответствовал этому чувству.

Офицер направлялся к усадьбе, окруженной вековыми липами. Внешнее самодовольство обер-лейтенанта¹² на первый взгляд могло вызвать у случайного прохожего невольную мысль о его удачной штабной карьере. Но медь красноватого загара, неизменно покрывающая лица после пребывания в северных широтах, и едва затянувшаяся ссадина у виска говорили об иных незаурядных способностях этого офицера.

Кинув мимолетный взгляд на табличку с готическим шрифтом «Институт военных исследований», обер-лейтенант поднялся по ступеням, и двери тотчас распахнулись. Референт исполнительного директора ответил на приветствие вежливым поклоном и по длинному узкому коридору проводил обер-лейтенанта к металлической двери, за которой скрывалась довольно просторная приемная, и передал его на попечение рослым охранникам в черной форме войск СС.

Штандартенфюрер СС Вольфрам Зиверс стоял посреди огромного кабинета. Сияющий взор исполнительного директора был обращен к громко вещающему радиоприемнику. И он, и сидевшие перед ним сотрудники института с жадностью ловили каждое слово диктора. Одобрительные восклицания и дружные рукоплескания следовали после каждой патетической тирады диктора.

Не привлекая к себе внимания, обер-лейтенант присел на свободное место с краю. Эйфория витала в воздухе, и ведь было от чего! – доктор Геббельс перечислял крупные города Англии, со вчерашнего дня подвергавшиеся массированным бомбардировкам с воздуха. Количество боевых вылетов прославленных асов воздушного флота Геринга и количество бомб, сброшенных за неполные сутки на головы англичан, поражали воображение. Наконец задыхающимся от патетики голосом доктор Геббельс сообщил, что в ближайшее время из Ставки фюрера будет сделано сообщение чрезвычайной важности, и из приемника полились бравурные звуки военного марша.

Когда наступила тишина, Зиверс подошел к задрапированной тяжелыми шторами стене: – Господа! Мы все воодушевлены победами нашей армии! Польша, Норвегия, Голландия, Бельгия! Фюрер своей волей уверенно ведет нас к грядущим победам! А теперь, когда повержена Франция, а дни британской короны сочтены, взоры всей германской нации обращены на Восток. Пора и нам внимательно посмотреть на карту будущих сражений с тем, чтобы быть готовыми к выполнению своей миссии.

Штандартенфюрер потянул за шнур, и взорам присутствующих открылась распластавшаяся во всю стену карта европейской части России:

– Никаких пометок! Информация строго конфиденциальная. – Штандартенфюрер очертил указкой круг в центре Кольского полуострова. – По имеющимся у нас сведениям, здесь,

¹² Обер-лейтенант (нем. Oberleutnant) – старший лейтенант.

посередине Лапландии между Ловозером и Умбозером, где возвышается горный массив Луяврурт, предположительно и находится интересующий нас объект. Но перед тем как перейти к сути вопроса, позвольте представить вам тех, без кого планируемая операция будет невозможна.

Он нажал на кнопку, и в кабинет вошли двое. Их появление все без исключения встретили с нескрываемым интересом, но не только потому, что вошедший первым офицер в черной форме штурмбаннфюрера СС¹³ сильно отличался от своего спутника. Некая гипнотическая сила, исходящая от него, неуловимо изменила и саму атмосферу кабинета. Штурмбаннфюреру было едва ли более тридцати, а в усах и аккуратно подстриженной бороде, скрывающей большую часть обветренного лица, уже серебрились первые вкрапления седины.

– Встречайте, господа – штурмбаннфюрер Эрнст Шеффер!

– Эрнст Шеффер?!

– Да, господа! Это он, тот самый Эрнст Шеффер, который неоднократно покорял Тибет. Он доставил в рейх множество бесценных экспонатов и древних тибетских рукописей, а также и дружественное письмо нашему фюреру от тибетского регента. Господин штурмбаннфюрер отныне – наш новый руководитель тибетского отдела.

Некоторое время внимание присутствующих было целиком сосредоточено на Шеффере, хотя нужно отметить, что не менее примечательным был и его спутник, внешний вид которого, несмотря на известную специфику института, мог бы сильно удивить не только берлинцев. Он был укутан в яркие оранжевые одеяния, а его лицо при известных обстоятельствах вполне можно было принять за колдовскую маску. Смугло-желтое и совершенно плоское, оно хранило полную невозмутимость, а там, где у европейцев по обыкновению располагаются глаза, на этом странном лице были лишь длинные щелочки, больше похожие на устричные створки. Все это время тибетский монах стоял изваянием у входа, плотно сомкнув свои глаза в едва различимые линии, и не понять было, то ли бодрствует он, то ли уже уснул.

Эти линии едва шелохнулись, лишь когда Зиверс объявил:

– Наш друг из далекой Лхасы расскажет нам об Агартхи.

Монах, чье морщинистое лицо свидетельствовало о его почтенных годах, гортанным голосом принялся вещать:

– Согласно «Книге Дзян», в мире существуют два источника силы. Источник левой руки – это средоточие материальной мощи. Он струится из города, расположенного на земной поверхности высоко в горах Тибета. Это город силы Шамбала, над которым властвует Царь Страха. Тот, кто заключит с ним союз, станет владыкой мира. Источник правой руки – это источник силы, проистекающий из подземного святилища далеко на Севере. Это Агартхи. Русские странники называют это место Гипербореум. В Агартхи хранятся знания тех, кто жил на Земле до нас.

Плоское лицо тибетца вновь обрело полную неподвижность, а Зиверс продолжил:

– Господа! После того как нами получены неопровержимые доказательства, что Агартхи находится на территории русских, – Зиверс ткнул указкой в сторону Кольского полуострова, – полагаю, мне нет более необходимости разъяснять, насколько важно для рейха овладеть этим районом до того, как русские попытаются сделать эту задачу невыполнимой?

Монах едва заметно шевельнул губами:

– Агартхи недоступна для непросветленных.

Но Зиверс даже не оглянулся на вновь застывшее лицо тибетца.

– Господа, перед каждым из вас лежит план операции под кодовым названием ««Проект “Лапландия”»». Всем нам предстоит большая работа по ее подготовке. Мы предполагаем выслать в Финляндию нашу группу. Под Рованиями устроен лагерь, где группа будет прохо-

¹³ Штурмбаннфюрер (нем. Sturmbannführer) – звание в СА и СС соответствовало званию майора вермахта.

дить необходимую адаптацию к местным условиям и всестороннюю подготовку. И когда доблестные войска фюрера начнут свой победный марш на Восток, наша группа одним броском проникнет в указанный район и овладеет тем, что по праву должно принадлежать нам, потомкам древних арийцев. Уверяю вас, чекистам в то время будет не до нас. В состав группы мы включили нашего тибетского друга, а возглавит экспедицию штурмбаннфюрер Шеффер.

После совещания в кабинете Зиверса остались лишь Шеффер и обер-лейтенант. Он оставался там, где и просидел неприметно все время.

– Вилли, вы еще здесь?

– Так точно!

Обер-лейтенант с уверенностью бывалого фронтовика прошел к столу:

– Вам привет от Персея, господин штандартенфюрер!

Некое подобие улыбки на мгновение осветило лицо Зиверса.

– Благодарю вас, Вилли! Я рад вашему благополучному возвращению. Но об этом потом. Познакомьтесь, господа, отныне у вас один путь.

Обер-лейтенант щелкнул каблуками:

– Обер-лейтенант Вильгельм Шорнборн.

Шеффер в ответ лишь вежливо склонил голову. Зиверс шевельнул бровью:

– Эрнст, разве ты не удивлен присутствию здесь армейского офицера?

Шеффер осклабился:

– Что вы, экселенц! Я могу даже предположить, что это не совсем обычный офицер и его часть дислоцируется э-э... в районе Рованиеми. Полагаю, полк «Бранденбург-800»?

Бровь Зиверса вернулась на привычное место.

– От тебя ничего не утаить. Да, обер-лейтенант действительно один из лучших специалистов адмирала Канариса. Лишь позавчера он вернулся после выполнения задания, результаты которого и легли в основу проекта «Лапландия». Перед войной с Советами мы решили направить его на должность в армейскую полковую разведку, чтобы он со своими парнями протоптал тропки по Лапландии, не афишируя наш истинный интерес к этому району. И теперь вам вместе на основе добытых данных необходимо тщательно проработать план подготовки операции. Вопросы?

– Кто еще будет в составе моей группы?

– Вилли будет твоим помощником в экспедиции, Эрнст. А его егеря составят костяк группы. И прошу вас, господа, в этом деле во всем должна быть строжайшая тайна! Даже если русские что-то и пронюхают, то они должны быть уверены, что перед ними имеет место обычная вылазка войсковой разведки.

Зиверс откинулся в кресле и потерял виски. События последних дней с бессонными ночами и непомерным напряжением начинали сказываться. Все то, чем занимался и Зиверс лично, и полсотни подведомственных ему институтов, подходило к своему логическому завершению, и мысли об отдыхе были на втором плане.

Выйдя из кабинета шефа, офицеры направились вниз, где в прохладном полуподвальном помещении находилось уютное кафе для сотрудников «Аненербе».

– Скажите, штурмбаннфюрер, что за письмо вы доставили фюреру из Тибета? О нем столько разговоров сейчас в рейхе.

Они сели за столик, сделали заказ, и штурмбаннфюрер разговорился:

– Это было уже в третьей моей экспедиции тридцать восьмого – тридцать девятого годов. Наши мудрецы из «Аненербе» поставили перед нами задачу: найти мифическую Шамбалу и только вдумайтесь в это! – изыскать возможность установления контактов с древнейшими цивилизациями. Вот так в Лхасе я и познакомился с регентом Тибета Квотухту. Он немало помог мне, ну я и заручился его письмом к фюреру на случай неудачи. Но все обошлось.

– Простите меня, господин штурмбаннфюрер...

– Эрнст. Просто Эрнст, мой дорогой Вилли! Отныне мы с вами одной веры, а у нас принято жить в непоколебимом братстве, иначе трудно будет одолеть костлявую.

– Пусть будет так, Эрнст. Однако... Вы упомянули о «мифической» Шамбале. Значит ли это, что вы не верите в ее существование?

– Шамбала...

Глаза Шеффера подернулись дымкой.

– Да, тогда я не верил во всю ту мистику, с чем, как одержимые, носились наши мечтатели из Тибетского отдела. Но рейхсфюрер лично попросил меня. Лично! Понимаешь? Так что когда в тысяча девятьсот тридцать восьмом году мы прибыли в Лхасу, то я уже знал, что нужно делать, чтобы не огорчать моего патрона. Но я и тысячной доли представить себе не мог из того, что мне откроется.

Шеффер взял принесенный официантом бокал с коньяком и с блаженством развалился в кресле.

– Есть на Тибете особая каста – монахи, исповедующие религию Бон. Эта религия, Вилли, существовала еще до появления буддизма. Вот я и подумал, уж если потусторонние силы действительно могут быть доступны для сношений с нами, то основной упор нужно было делать на работу именно с монахами Бон. Мне не пришлось потратить много времени, чтобы вникнуть в особенности тамошней иерархии. И первым делом я добился расположения к себе со стороны тибетских лам. Ну а пользуясь известным покровительством, мне было несложно сконцентрироваться на магических ритуалах и практиках этих совершенно отдаленных от внешнего мира монахов. Среди них особенно много колдунов и магов. Ах, если бы вы видели их ритуальные танцы! Невозможно даже вообразить, что творится при пении мантр. – Шеффер вновь пригубил коньяк и продолжил: – А вы знаете, Вилли, что сокровенный эффект мантр, произносимых в трансе, достигается акустическим резонансом? Именно звуки определенных частот способны настроить на лад, нужный для общения с тем или иным духом.

– Из бесед с лопарями, которые составляют коренное население русской Лапландии, я уже слышал о подобном. Они утверждают, что их шаманы таким же образом общаются с духами.

– Вот как? Значит, выполняя задание Зиверса к «Проекту “Лапландия”», вы уже побывали в тех самых горах? Кажется, я начинаю догадываться, о каком Персее шла речь!

– Вы мне льстите, Эрнст, да и какие там горы в Лапландии? Уж если кому говорить о горах, то только вам, Эрнст! Кстати, верно ли то, что вы поднимались на один из восьмистысячников Тибета, для того чтобы выйти на связь с рейхом?

– Верно, но лишь наполовину, Вилли. Мы с парнями действительно поднимались на Канченджангу, но вовсе не для выхода в эфир. Вам я могу открыться – мы поставили там радиоретранслятор для постоянно действующего радиомоста с рейхом.

– Для радиомоста?!

Вместо ответа Шеффер взял бокал, обхватил его ладонями, передавая коньяку свое тепло. На некоторое время воцарилось молчание.

Шорнборн уже начал сожалеть о вторжении в запретную для разговоров область, но вот Шеффер пригубил солнечный напиток и посмотрел в глаза Шорнборну:

– Видите ли, Вилли... Я, Эрнст Шеффер, кажется, нашел Шамбалу.

Глава 4

СССР. Июнь 1941 года

Из оперативных документов Разведывательного управления Генерального штаба РККА:
«Начальнику Разведывательного управления Красной армии, тов. Голикову.

...на территорию Финляндии, в районе Рованиеми (близ воинского аэродрома) тремя транспортными самолетами «Юнкерс» прибыли из Германии и разворачиваются для постоянной дислокации части немецкого диверсионного полка «Бранденбург-800». Цели и конкретные задачи этого подразделения не ясны. В случае нападения гитлеровской Германии их использование на оперативном пространстве Кольского полуострова вдоль Кировской железной дороги более чем вероятно...

Начальник внешней разведки ГУГБ НКВД СССР Фитин».

Из «Истории Великой Отечественной войны»:

«...22 июня 1941 года в 4 часа утра без объявления войны фашистская Германия и ее союзники напали на Советский Союз. Бомбардировкам подверглись Рига, Вильянди, Либав, Шауляй, Каунас, Вильнюс, Гродно, Лида, Волковыск, Брест, Кобрин, Слоним, Барановичи, Бобруйск, Житомир, Киев, Севастополь и многие другие города, железнодорожные узлы, аэродромы, военно-морские базы СССР, осуществлялся артиллерийский обстрел пограничных укреплений и районов дислокации советских войск вблизи границы от Балтийского моря до Карпат. В 5 часов немецко-фашистские войска перешли государственную границу СССР и повели наступление в глубь советской территории...»

СССР, Москва, Кунцево. Дача И.В. Сталина. 1 июля 1941 года, 4 часа утра

Иосиф Виссарионович спал. Усталое лицо с землистого цвета кожей, изрытой оспинками, невысокий лоб со следами от подушки. Пожалуй, только густые усы с изрядной проседью соответствовали тому хрестоматийному образу, который взирал на граждан необъятной державы со стен домов, с плакатов на трамвайных и автобусных остановках, с портретов в заводских цехах и школьных классах.

Дыхание его было тяжелым, прерывистым. Так дышат, засыпая после тяжелого дня либо перед ранним пробуждением, когда сознание, ухватив одно из последних сновидений, начинает проецировать его на явь. Вся эмоциональная борьба в подкорке, происходящая в эти долгие мгновения перед пробуждением, отражается на лице сложной гаммой работы мимикрических мышц. Вот и сейчас вначале дернулся уголок рта, затем тиком ответила одутловатая щека. Дрогнули губы, Иосиф Виссарионович протяжно выдохнул и замер. Но уже спустя мгновение дрогнули и веки.

Вероятно, вождь что-то почувствовал, так как он повернулся на спину, не размыкая глаз. С полминуты Сталин буквально не дышал, а затем медленно открыл глаза и так же медленно повернул голову. Рядом с ним, опершись на суковатый посох и возложив белую бороду на скрещенные руки, сидел старец. Глухое клокотание сердца отдалось у Сталина в ушах. Он замер, но его тигровые с поволокой глаза надолго вперились в старца, затем пробежали по комнате. На двери, ведущей в комнату охраны, взгляд замер.

– Не тревожься, Иосиф! Они спят. Их вины в том нет, это я повелел им почивать.

– Кто... вы? – сильный акцент в глуховатом голосе выдавал чрезмерное волнение вождя.

– Я Странник, божья букашка. Хожу, на мир смотрю, вот и к тебе заглянул, али осерчаешь?

Он сидел в сереньком застиранном пиджачке, в разношенных яловых сапогах. Обычный с виду старичок, коих немало доживало свой век, сидя на завалинках по деревьям русской глубинки. Но во взгляде этого старичка сквозила огромная внутренняя сила, а в лице читалась непоколебимая уверенность. Ровно этого в последние дни недоставало вождю, а если быть искренним перед самим собой, уверенность и вовсе покинула его...

Сталин сокрушенно вздохнул. Странник исподволь взглянул на него, а затем наклонился и коснулся ладонью лба.

– Да ты совсем хворый... – Он сунул руку в котомку, пошарил там и вынул длинную домотканую рубаху: – Возьми-ко, приоденься.

Колебание было сиюминутным, и Сталин покорно опустил босые ноги на ковер. Сменив свою нательную сорочку на льняную рубаху Странника, он ощутил, как нервный озноб, не отпускаявший его ни днем ни ночью, тотчас отступил, а по телу стало разливаться благодатное тепло.

Сталин вновь прилег, и блаженное тепло, разлившееся по телу, вытеснило все тревоги. Ему вдруг вспомнились юные годы из духовной семинарии. Странник был удивительно похож на того самого почтенного батюшку, преподавателя их курса. В памяти почему-то всплыли его слова: «Только исповедь способна душу пробудить к благому! Не бойтесь исповеди, но бойтесь гордыни, ее отвергающей».

Исповедь... Перед ним чередой побежали картинки страшных событий последних дней, и он горько скривился. Уж ему-то было в чем исповедаться! Нет, с того злополучного вечера 21 июня 1941 года он почти безвылазно находился в Кремле, но гитлеровская агрессия явилась для него тяжелым, непереносимым ударом. И вовсе не потому, что он уповал на двусторонний договор о ненападении между СССР и Германией. Так может считать только глупец, не знающий истинного положения дел. В тяжелейшей борьбе он вырвал страну из рук интернационального сброда и политических авантюристов. Ведь так называемая «ленинская гвардия» сплошь из них и состояла, кто бы что ни говорил. А кто убил Ленина? Эта самая «гвардия». Она и с преисподней готова была заключить союз, чтобы только навсегда похоронить ненавистную им Россию. Вот ведь что вопил на весь мир Лейба Троцкий:

«Если мы выиграем революцию, раздавим Россию, то на погребальных обломках ее укрепим власть и станем такой силой, перед которой весь мир опустится на колени. Мы покажем, что такое настоящая власть. Путем террора, кровавых бань мы доведем до животного состояния... А пока наши юноши в кожаных куртках – сыновья часовых дел мастеров из Одессы и Орши, Гомеля и Винницы, – о, как великолепно, как восхитительно умеют они ненавидеть! С каким наслаждением они физически уничтожают русскую интеллигенцию – офицеров, инженеров, учителей, священников, генералов, агрономов, академиков, писателей!»

А чем был лучше его дружок, этот недомерок Яшка Свердлов, лютой ненавистью ненавидевший русских казаков? Как жестоко он взялся за дело! В результате развязанного Свердловым и его подручными «красного террора» было истреблено более 70 % казачьего населения Дона и Кубани. Были почти поголовно уничтожены казаки Терека, Урала, Сибири, Семиречья, Уссурийска и других казачьих Войсковых областей. Жуткая оторопь берет, когда вспоминаешь все это.

Страна, которую он, Сталин, мечтал видеть могучей и процветающей, была не просто разорена дотла. К 1921 году бывшая Российская империя лежала в руинах. От огромной страны осталось населения менее 140 миллионов человек. Кроме отошедших от растерзанной империи Польши и Финляндии Россия потеряла Эстонию, Латвию, Литву, западные районы Украины и Белоруссии, а также земли Армении и Бессарабии. Каких трудов стоило ему, Сталину, сохранить единство самой России. Ведь «ленинская гвардия» и ее раскроила было на

лоскутки всяких «дальневосточных» и прочих «республик», рассчитывая навсегда расчленив исконную Русь, что удивительным образом полностью совпадало с интересами англосаксов, исторически заклятых друзей России. Сколько крови было пролито сообщниками Троцкого, прежде чем их удалось повыворачивать из районных, губернских и республиканских органов!

А какая тяжелейшая ситуация сложилась с Красной армией? Маршал Тухачевский, командующие округами Корк, Якир, Уборевич, начальник Главного политического управления РККА Гамарник, начальник Административного управления РККА Фельдман и их сообщники сделали все, чтобы лишить государство кадровой армии. Репрессировав тысячи высококлассных военных специалистов, доставшихся от царской армии, они уволили из армии тысячи командиров с пометкой «особые условия», на основании которой уволенные из Красной армии командиры арестовывались НКВД по месту жительства. И не кто иной, как Тухачевский, всячески препятствовал перевооружению Красной армии. Именно Тухачевский выступал противником минометов, нарезной ствольной артиллерии и автоматов, ценность которых подтвердила в сороковом году Финская кампания, а сейчас преимущество автоматов над винтовкой с блеском доказывает немецкий вермахт!

А разве он, Сталин, не пытался изо всех сил успеть с индустриализацией страны и перевооружением армии? Острейший кадровый голод – вот что было одной из причин, по которой тормозились реформы. А основным тормозом и главной опасностью являлись чрезвычайно влиятельные на местах и смертельно боявшиеся потерять власть секретари республиканских, краевых и областных комитетов партии, руководители местных органов НКВД и заговорщики из числа высшего военного командования Красной армии, планировавших физическое устранение его, Сталина.

Конечно, обывателю со стороны казалось, что у Сталина безграничная власть в стране, а он, Сталин, до недавнего времени практически ходил по лезвию бритвы. Приходилось тщательно вымерять не только каждый свой шаг, но и каждое слово. Ощущая мощнейшее и смертельно опасное противодействие, иной раз он только и мог в глухой ярости грызть мундштук трубки. Да, в 1937 году Сталину едва удалось предотвратить заговор, который был организован частью высшего командного состава Красной армии, но это было лишь начало решающей битвы за государство. Политическая ситуация в стране к тому времени сложилась тяжелейшая.

С одной стороны – обюрократившийся партийный аппарат на местах как черт ладана боялся планируемых Сталиным преобразований, в результате которых на руководящие посты в партийные и советские органы страны должны были открыто избираться, но не на основе былых заслуг, а на основе массового выдвижения снизу, наиболее сильные и одаренные специалисты из числа производственников, хозяйственников и деятелей науки. Здесь Сталин ясно обозначил свою линию – время агитаторов и пламенных трибунов революции ушло, и страной должны управлять профессионалы.

С другой стороны – созданный Дзержинским «карающий меч Революции» за долгие годы реального противодействия внешним и внутренним угрозам разросся, заматерел и превратился в огромный, чудовищной силы репрессивный аппарат, в котором также находилось немало затаившихся врагов советской власти и разного рода авантюристов. Именно районные, областные и республиканские органы НКВД, подстрекаемые, как выяснилось, наркомом НКВД Ежовым на перехват власти у партийных и советских органов, пользуясь благоприятным моментом в процессе выявления и разоблачения участников военного заговора, именно они и запустили по стране страшную волну репрессий. Обвинения фабриковались незатейливо просто – либо связь с заговорщиками, либо с разгромленным накануне троцкистским блоком. А добавляли масла в огонь те вырожденцы из партийной номенклатуры, кто увидел шанс расправиться с конкурентами или просто неугодными им лицами и возвыситься через «очистительный огонь контрреволюционной борьбы».

И только назначение Берии в 1938 году на пост наркома НКВД его поистине уникальные организаторские способности и невероятная от природы работоспособность позволили перехватить «карающий меч» и остановить этот кровавый каток. Тяжелейшее внутривластическое напряжение в стране спало лишь в 1939 году. Но времени уже ни на что критически не доставало. Он, Сталин, очень опаздывал. Наркоматы, конструкторские бюро, заводы – все работали дено и ночно, но многие образцы нового оружия, особенно реактивной артиллерии, танков и самолетов, к началу сорок первого находились еще в стадии испытания и доводки. Налаживание серийного производства тоже требовало определенного времени. Поэтому он вынужден был жестко бороться за каждый мирный день.

Но война, неизбежность которой он понимал, как никто другой, все же грянула. И грянула внезапно. Все последующие дни, с того самого совещания политбюро (оно началось 22 июня в 5 часов 45 минут утра), когда Жуков доложил, что немцы бомбят города от Балтики до Черного моря, запомнились Сталину непрестанной работой. Он принимал у себя всех, кто был причастен к высшему военному и политическому руководству страны, а помимо них еще и работников наркоматов, ученых и директоров заводов¹⁴. Общаюсь с ними, он искал выход из надвигающейся катастрофы. Но день шел за днем, истекающие кровью войска оставляли город за городом, а ясности все не прибавлялось. Тяжелые вести с фронтов, трещавших под натиском стремительно наступающего врага, дено и ночно довлели над сознанием. А тут еще и эти задержки с демонтажем и перемещением за Урал десятков заводов с территориями, которые могут оказаться в оккупации. Приходилось резать по живому, безжалостно отстраняя от руководства тех, кто оказался не на своем месте или проявлял нерадивость. Привыкший прежде управлять событиями, Сталин почувствовал себя полностью зависимым от этих страшных событий. Войска дрались храбро, в иных случаях, можно сказать – самоотверженно. Но подавляющее преимущество немцев в танках и самолетах, их умение создавать и поддерживать это преимущество на основных направлениях – все это обеспечивало им такие темпы продвижения, что принимаемые Ставкой решения просто не поспевали, и очень трудно было сохранять оптимизм при таком развитии событий.

...Прокрутив накипевшее до боли в сердце, Сталин понял, что ему просто необходимо поделиться мрачными предчувствиями с этим старцем. Кто знает, может, в исповеди действительно есть рационализм?

Он собрался с духом и открыл глаза. Но, увидев перед собой чистый, как у младенца, взгляд Странника, он понял, что исповедоваться не придется – Странник читал его душу, как открытую книгу. Ему оставалось только вымолвить в сердцах:

– А что я могу? Сталин винтовку в руки не возьмет, Сталин слишком незначительная боевая единица.

– А ты не бери на себя то, что лишь Всевышнему под силу. – Голос старца был суров, но взгляд по-отечески добр. – Эх, милай! Война проиграна тогда, когда не остается никого, кто способен бороться за свое Отечество или воспроизвести для этого достойное потомство. Ты вспомни историю, Иосиф, сколь уж враг нас теснил? И города занимал, и Москву жег пожарами, и самозванцев на престол садил, а где нынче враг тот? То-то же! Нет на свете той силы, что сдюжит против русского народа! Стало быть, сила государства – в его народе.

Сталин, вдруг осознав нечто важное, приподнялся с дивана и тронул за руку Старца:

– Скажи, отец... Можно ли так понять тебя: победа будет за нами?

– Победа придет, да только путь к ней будет долог. Ты вот думай хорошенько над каждым своим шагом, да с решениями не медли. И еще... – Старец склонился над ним, словно желая

¹⁴ См. публикацию тетрадей записи лиц, принятых И. В. Сталиным с 1927 по 1953 год, обнаруженных в архивах ЦК КПСС. Тетради велись дежурными в приемной вождя, фиксирующими фамилии посетителей и время их пребывания в сталинском кабинете в Кремле. Содержание тетрадей полностью публиковалось в «Военно-историческом журнале». 1994, № 6, с. 27–30.

перелить в его душу то, что хотел сказать. – На Север немца не пушать! Нельзя ему туда. Держись за Север! За каждую пядь, как за родительский погост! Отдашь его – долго Русь не поднимется. Это твой, Иосиф, долг. Каждый за Путь свой в ответе, и ты за свой ответишь. Сполна. Вот и служи Отечеству справно, а там воздастся...

Странник перешел почему-то на шепот, и слов его было уже не разобрать.

Сталин отчаянно тянулся к нему, пытаясь ухватиться за слова, но голос Странника все затихал, образ рассеивался и вскоре совсем исчез.

...Сталин щурился, мотал головой, но от яркого света избавиться не смог. Он открыл глаза. Раннее солнечное утро заглядывало в комнату. Сталин оглянулся на то место, где сидел Странник, но там никого не было, да и стулья стояли, как на плацу – ровным рядом вдоль стены. Он сел, свесив босые ноги на пол. Мотнув еще раз головой, попытался сосредоточиться на ускользающих из памяти образах, силясь вспомнить что-то, несомненно, очень важное. Обрывки сновидений окончательно улетучились, когда он увидел на себе льняную рубаху от Странника. В голове отчетливо всплыли его слова: «На Север немца не пушать...»

Одевшись, он проследовал к двери охраны. Сидевший у телефонных аппаратов дежурный вскочил и вытянулся в струнку.

– Спите?

– Никак нет, товарищ Сталин!

– Как «нет», если через ваш пост человек прошел?

У дежурного вытянулось лицо. Он стал бледнее стены, но дверь за Сталиным уже закрылась. Через несколько минут вздрогнул от пронзительной трели телефона внутренней связи и начальник охраны генерал Власик.

– Зайдите ко мне.

Власик стоял перед ним навытяжку.

– Пригласите начальника архивного управления и прикажите ему разыскать в архивах дело академика Барченко. И еще... – Сталин протянул генералу сложенный вчетверо листок бумаги. – Сегодня же поезжайте в монастырь... Передадите это письмо Антиквару. Если он пожелает, привезете его ко мне...

Все пришло в движение. Власик едва успевал передавать многочисленные распоряжения своему аппарату.

3 июля 1941 года Генеральный секретарь ЦК ВКП(б), председатель СНК СССР и Государственного комитета обороны Иосиф Виссарионович Сталин выступил по радио с обращением к стране:

«Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои! ...»

Москва, вечер того же дня

В прежние, довоенные времена событие, произошедшее у дома неподалеку от Белорусского вокзала, вряд ли осталось бы незамеченным. В то время на скамеечках под тенистым ясенем с утра до позднего вечера сидели старушки. Выйдя по выслуге лет на пенсию, им ничего не оставалось, как коротать в беседах и пересудах долгие дневные часы да приглядывать за внуками, оставленными на их попечение. От их зоркого взгляда не ускользала ни одна маломальски любопытная деталь. А сейчас, когда бушевала война, уклад жизни у людей изменился настолько, что праздного сидящего человека было уже не встретить на улицах советских городов. Но даже если бы в этом случае кто-либо находился у подъезда многоквартирного дома, то обратил бы внимание и сильно удивился, что за этим старцем в линялом брезентовом плаще до пят ведется столь пристальное наблюдение. Он был бел как лунь, а люди, которых почему-

то заинтересовал этот древний старец, сидели в новенькой черной «эмке» и курили, лениво переговариваясь.

Когда он проходил мимо, машина заурчала, тихо тронулась с места, и из открывшегося окна показалась рука, поманившая старца. Старец доверчиво подошел к машине, а дверь распахнулась, чьи-то сильные руки втоптали его в салон, и машина резво тронулась с места.

В небольшой комнате подвального помещения, куда его совсем невежливо втокнули, из удобств был только табурет, привинченный к полу перед кургузым казенным столом.

Неокрашенные оштукатуренные стены навевали уныние, но Странник, а это был он, безучастно прошел к табурету и присел на краешек.

Прошло минут двадцать, пока наконец в крохотном окошечке в двери не показался чей-то глаз. Затем в замочной скважине провернулся ключ, и дверь распахнулась. В помещение вошел человек с большими красными звездами на рукавах гимнастерки и тремя шпалами в петлицах. Черные с проседью волосы были аккуратно зачесаны назад, прикрывая изрядную проплешину.

– Здравствуйте. Я следователь, моя фамилия Фурчак.

– Доброго здоровьяца...

Фурчак уселся за стол напротив Странника и сложил руки на груди.

– Ваше имя, фамилия?

– Владимир Порфирьевич Никитин... – Отвечая на вопрос, Странник зябко поводит плечами.

– Вам нездоровится?

– Прохладно у вас здесь, а вещички мои... того...

Следователь нажал кнопку в торце стола. Через минуту вошел мрачного вида человек.

Он принес перекинутые через руку вещи Странника.

– Оденьтесь!

Следователь глянул на вошедшего. Тот отрицательно покачал головой и вышел.

– Где проживаете, адрес?

– Проживаю в деревне Боровки, Костромской области... там и адрес мой. – Странник запахнул на себе меховую безрукавку и сел.

– Нет. Вы определенно не здоровы, сейчас я вам дам лекарство...

Не слушая запротестовавшего Странника, Фурчак нажал на кнопку вызова. Вновь открылась дверь, вошел все тот же мрачный тип со стаканом воды и бумажным пакетиком.

– Выпейте, это лучше аспирина...

– Ну, что ж, ваша воля... – Странник высыпал на язык порошок из пакетика и запил водой.

С этой минуты Фурчак пожирал взглядом Странника, внимательнейшим образом ощупывая глазами его лицо.

– Ваш возраст?... Род занятий?... Кто вы по профессии?... Где учились?..

Вопросы сыпались один за другим, но старец отвечал все так же бесстрастно. Спустя продолжительное время, а допрос длился уже около часа, Фурчак решил и неожиданно спросил:

– Что вы делали у Иосифа Виссарионовича?

– Извиняюсь, а... кто это?

Фурчак побагровел, и его выпуклые глаза совсем округлились.

– Вы что себе позволяете?! – Но он тут же осекся, быстро взял себя в руки и как ни в чем не бывало продолжил: – Речь идет о том человеке, кого вы посетили нынешней ночью в Кунцеве. Отпираться бессмысленно, ваш уход отсюда под утро был нами зафиксирован. О чем вы говорили?

– Так разве всех упомнишь? Я божья пташка, там кусочек хлеба попрошу, там водицы испить, где уж всех упомнить-то?

– Чем вы были связаны с академиком Барченко?

– Так ить не знаю такого.

– Я напомню – речь идет о его экспедиции на Кольский полуостров в тысяча девятьсот двадцать втором году!

– А-а! Так ить я и не знал о том...

Разъяренный следователь грохнул ладонью о стол:

– Ты что, думаешь, долго мне голову морочить будешь?! О чем ты говорил с вождем?! Ты знаешь, сволочь, что с тобой завтра утром будет?!

– Завтра? Отчего же не знать! Завтра поутру я буду идти по дороге...

Опешивший следователь стал закипать от ярости. Но Странник словно впал в прострацию:

– ...и долог будет мой путь...

Простуженный голос Странника приобрел монотонные оттенки, и он уже безостановочно что-то бубнил.

Следователь весь обратился во внимание. Снадобье, разработанное в спецлаборатории перед самой войной, пусть с большой задержкой, но все-таки начало действовать. Однако тут со Странником стало происходить что-то странное. Глаза его закатились, раскачиваясь на табурете, он читал нараспев, и вовсе не то, что ожидал услышать Фурчак.

– ...там царство Духа чистого, красоты, чудных огней, возвышенных чарующих тайн, радости, света, любви, своего рода покоя и непостижимых величий. Много людей отовсюду стремятся в Страну Заповедную, но за каждые сто лет проникает туда лишь семь позванных, из них шесть возвращаются, унося с собою сокровенные знания, развитие новых чувств, сияние души и сердца, и только один остается...¹⁵

Он уже не реагировал ни на окрики следователя, который пытался прервать это малоприятное бормотание, ни на хлесткие пощечины. Речь его замедлилась, распавшаяся на короткие фразы, и становилась все тише. А когда распахнулась дверь и вбежавшие люди схватили его за руки и ноги, он уже спал глубоким сном. Его потащили куда-то вниз, голова его свесилась на грудь и моталась в такт шагов.

Следователь крикнул вдогонку:

– В нижнюю его... И пристегните к кровати! Мало ли чего...

Странника спустили по лестнице еще ниже, протащили по узкому коридору мимо вахтера и занесли в тесное помещение. У стены стояла кровать, застеленная байковым одеялом, а до противоположной стены было рукой достать. Странника швырнули на кровать, мрачный тип достал наручники и пристегнул его правую руку к металлической перекладине кровати.

Щелкнул замок входной двери.

Следователь стоял навтыжку перед седым круглолицым человеком в неприметном штатском костюме.

– Вы меня уверяли, что этим снадобьем могли бы разговорить даже скелет! А какого-то никчемного старикашку толком даже допросить не сумели. Почему?

– Невероятно, но у меня сложилось какое-то странное ощущение его самоконтроля, сопряженного с защитным для его психики механизмом.

– Да слышал я все это... – Седой раздраженно кивнул на стационарный магнитофон, подошел вплотную к следователю и обдал его своим дыханием. – Фурчак, мне необходимо

¹⁵ Из «Сокровенного Сказания о Беловодье». Впервые обнародовано в русской газете «Новая Заря». Сан-Франциско, № 5109 от 24 апреля 1949 года, с. 12–14.

знать все, что наговорил Хозяину этот старикашка! Почему Хозяин заинтересовался и запросил дело академика Барченко, у которого на уме только и были эти бредни про Шамбалу и Гиперборею? – Подумав, он внимательно посмотрел на Фурчака. – Как думаешь, может, дозу следовало увеличить?

– Никак нет! Василий Михайлович сказал, что это предельная норма для обычного человека со здоровым сердцем, а уж для такого деда...

– Пригласи его ко мне!

– Василия Михайловича?

Седой скривил презрительную мину и вышел из комнаты.

Следователь торопливо поспешил к лаборатории.

Утром, в 7.00 вахтенный по коридору отомкнул зарешеченную дверь в отсек с камерой Странника, пропуская двух молодых людей в штатском. Один из них нес поднос с завтраком. Они прошли к двери камеры и загремели ключами. Спустя мгновение с грохотом полетел поднос, и разъяренные, они выскочили из камеры:

– Где?!

Ничего не понимающий вахтер приподнялся со стула.

– Где он?! Ты куда глядел?!

Вахтер кинулся к камере. Кровать была аккуратно застелена, словно и не лежал на ней никто. Наручники двумя блестящими колечками блестели на одеяле. Следов распила и иных механических повреждений на них не было.

Он уселся на кровать и обхватил голову. А по коридору грохотал топот поднятых по внутренней тревоге людей...

Глава 5

Северный фронт, 10 августа 1941 года. Район озера Куоляярви. Позиции 138-го горнострелкового полка 3-й горнострелковой дивизии вермахта

Вторые сутки подряд штурмбаннфюрер Эрнст Шеффер и обер-лейтенант Вилли Шорнборн ползали по окопам горных стрелков, изучая позиции русских.

– Русское Заполярье вообще отличается тяжелым горным рельефом и труднопроходимой местностью. А мне, как видите, достался один из самых сложных его участков. Этот поросший густым ельником и изрядно загроможденный валунами склон горы упирается в непроходимое болото, что делает практически невозможным использование какой-либо техники. – Командир 1-го батальона, старый вояка майор Брандт, подробно обрисовал занимаемый батальоном участок фронта, надеясь обрести в гостях своих союзников.

Но, к его огорчению, Шеффер лишь сдержанно кивнул, а обер-лейтенант Шорнборн даже не счел нужным оглянуться. Он почему-то долго всматривался сквозь мощные линзы бинокля туда, где со склона горы куда-то в поросшие низкорослым лесом болота стекал ручей.

– Скажите, господин майор, как у русских устроена оборона?

– Здесь у русских нет сплошной линии обороны. Она у них построена по узловой системе огня. Как я уже говорил, действия нашей бронетехники здесь практически невозможны, поэтому русские сосредоточили свои усилия в основном на удержании пехотой ключевых высот и линий естественных препятствий.

– Они вас не тревожат? Не накопили ли они достаточных резервов для контратаки?

– Нет, у русских перед нами мало сил. Но их разведка чрезвычайно активна. Русские разведчики небольшими группами просачиваются сквозь нашу, позволю заметить, тоже не сплошную оборону и очень досаждают тыловым частям.

– Покажите мне, где в последний раз они просачивались и какими силами, – Шеффер вдруг заинтересовался неожиданным откровением майора.

– Видите тот перешеек среди болот? Мы считали его затопленным, но, видимо, русские нашли там какие-то тропки. Во всяком случае, не более недели тому назад одна их группа, численностью в десять-двенадцать человек, переправилась в наш тыл и расстреляла из ручных пулеметов целую роту горных стрелков, спасавшихся в озере от жары.

– Вот даже как? Удалось ли вам взять кого-нибудь из них? Или вы всех уничтожили?

– Уничтожили?! Какое там! Они исчезли так же внезапно, как и появились.

– Так вы говорите, что их тропа где-то на том перешейке?

– Вероятнее всего! А мы и перекрыть ее не в состоянии – там всюду вода.

Шеффер прильнул к биноклю:

– А ведь действительно, оттуда в наш тыл пройти проще простого. Смотрите, Вилли, как вам та полоса зарослей?

– По-моему, она довольно широкая и может быть идеальным укрытием, – с энтузиазмом отозвался обер-лейтенант.

Там, куда были обращены их взоры, по направлению к затопленной низине тянулся мысок, сплошь заросший кустарником.

– Скажите, господин майор, а куда выходит эта низина?

– Она тянется километра два и выходит в весьма заболоченную местность в глубоком тылу русских. Но это бесперспективное занятие, господа. Там сплошная топь.

Шеффер и обер-лейтенант переглянулись.

– Можно ли полагать, что и русские думают так же?

– А то как же?! Они поставили постоянный пост, перекрыв единственно возможный путь в их тыл... во-он там!

– Вы имеете в виду тот горбик над водой?

– Точно! Там у них два постоянно сменяющихся часовых с ручным пулеметом. А других мест выйти на сухой берег нет – сплошное болото. Нет, господа, там не пройти!

...Еще накануне войны они прибыли из Берлина в Финляндию. Они обосновались в городке Рованиеми, на закрытой от чужих глаз территории учебного лагеря «Абвер-группы-214», которая была создана при 20-й немецкой горной армии для ведения диверсионно-разведывательной работы против России. Здесь, в тесном содружестве с начальником Абвергруппы капитаном Альфредом Ройтером началась подготовка к операции «Проект “Лапландия”». Сложность лапландского рельефа изначально обуславливала заброску группы в тыл русских сугубо в пешем порядке. Поэтому для обеспечения перехода к группе егерей оберлейтенанта Шорнборна, состоящей в основном из южных тирольтцев, добавилась команда из 15-й легкой роты 4-го батальона полка «Бранденбург-800». В отличие от стандартных Абверштелле (разведывательных и диверсионных школ абвера), где курсанты обучались топографии, проникновению в глубокие тылы Красной армии, методам сбора разведывательной информации и проходили специальную подготовку по проведению диверсий, их группа готовилась исключительно по специфической программе, обусловленной характером необычного задания. Эта программа была разработана в плотном взаимодействии с Управлением военной разведки генштаба Финляндии. Финские инструкторы и составили впоследствии костяк преподавательского состава Абвергруппы. Сходные природно-географические условия русского Севера и знание территории Лапландии делали финских инструкторов незаменимыми. Под их руководством группа обучалась ориентированию на пересеченной местности, умению определять расстояние в условиях гористой лесотундры, вычерчивать по памяти схематическую карту. Они тренировались и отрабатывали взаимодействие, выкладываясь до полного изнеможения. Ведь кроме теоретической части велась еще и колоссальная физическая подготовка – штурм отвесных круч в сопках, преодоление мокрых курумников и бесконечных болот, переправа через норовистые речки и глубокие ледяные ручьи. А тут еще и долгий полярный день с не заходящим в течение пятидесяти дней солнцем. Все это угнетало нервную систему и сказывалось не только на настроении, но и на здоровье. Но, невзирая на это, чуть ли не ежедневно ранние побудки срывали диверсантов в марш-броски на длительные расстояния. Подобная нагрузка для егерей была не впервой, но для того, чтобы чувствовать себя полноценно как среди болотистой лесотундры Лапландии, так и гористой ее части, необходимо было до автоматизма усвоить некоторые навыки, присущие ее коренным жителям.

...Наметив и обсудив с майором Брандтом пути прохода через линию фронта, Шеффер с Шорнборном поспешили в лагерь.

В домике, который занимал штурмбаннфюрер Шеффер, было прохладно, а на столе стоял кофейник с дымящимся горячим напитком и большая тарелка с бутербродами, заботливо приготовленными вестовым Шеффера. Они подкрепились, выкурили по сигарете и еще раз тщательно проанализировали план предстоящей операции. После этого Шеффер послал посыльного за обер-фельдфебелем Вальтером Хольцем и унтер-офицером Виртом.

Когда все расселись вокруг стола, Шеффер разложил карту с маршрутом группы:

– Господа! Прошу вашего внимания. То, чем мы занимались до сегодняшнего дня, было лишь подготовительной частью к выполнению важнейшего задания, которое определил для нас сам фюрер. Нам предстоит многодневные переходы в условиях сложнейшего рельефа Лапландии. Для обеспечения операции абвером была проведена небывалая по своим масштабам операция. Теперь я могу ознакомить с ней... – Насладившись наступившим молчанием, Шеффер продолжил: – Три недели назад вот сюда... – его палец уткнулся в изрезанный шхерами северный берег Кольского полуострова далеко в советском тылу, – подошла наша подводная лодка и

высадила десантную группу. Эта группа сложнейшим переходом по безлюдным тылам русских преодолела многодневный путь от берега Баренцева моря в глубину Кольского полуострова, к Ловозерским горам, производя равноудаленные закладки провианта и боепитания... – Шеффер вновь не дал разгореться жаркому ликованию. – Господа, господа! У нас уйма работы, прошу внимания!.. Итак, конечная цель этой группы – высота «пятьсот семнадцать» у озера Инчъявр. После этого они должны спуститься южнее, выйти в эфир, радировать нам о выполнении своей задачи, а далее следовать кратчайшим путем к Кировской железной дороге русских. Диверсиями на железной дороге они должны отвлечь на себя внимание НКВД и фронтовой контрразведки. А время их выхода в эфир и должно стать сигналом к началу нашей операции. Итак, господа, наш час пробил! Сегодня рано утром десантная группа вышла на связь и доложила о выполнении своей работы. Заложенные ими пункты нанесены на карту, наше время пришло...

Глава 6

СССР. 11 августа 1941 года

Из оперативных документов Управления контрразведки наркомата обороны СССР:

Шифрограмма за № ... от 11.08.1941 г.

«Начальнику Управления Особых отделов НКВД СССР Абакумову.

...докладываю, что сегодня в 4.25 утра в глубоком тылу полосы обороны 122-й стрелковой дивизии был зафиксирован выход в эфир коротковолнового радиопередатчика с позывных ЗИМ. Предполагаемый район выхода в эфир примыкает к южной части устья Пинозера. Учитывая непосредственную близость этого района к Кировской железной дороге, представляется наиболее вероятным, что передача велась диверсионной группой немцев, чья цель – диверсии на Кировской железной дороге. В район предполагаемых действий вражеских диверсантов мною направлена специализированная розыскная группа под руководством начальника Особого отдела 14-й армии полковника Ключева. В непосредственной охране железной дороги в том районе нами задействован бронепоезд 80-го полка войск НКВД и...

Начальник Особого отдела Северного фронта Куприн».

Шифрограмма за № ... от 11.08.1941 г.

«Начальнику Особого отдела Северного фронта Куприну.

По данным нашей разведки, на территории Финляндии, в учебном центре «Абвер-группы-214», разместились специальная команда, прибывшая из Берлина. Ее цели и задачи не ясны. Но немногим ранее немецкой горнострелковой дивизии, действующей в полосе обороны 42-го корпуса, была придана рота из диверсионного полка «Бранденбург-800». Ее часто посещает начальник армейской разведки майор Густав Даллингер. Одновременно была замечена активность отдельных радиопередатчиков врага в глубоком тылу – в Архангельской области и вдоль Беломорканала. Увязывая вышеизложенное с сегодняшним выходом в эфир радиопередатчика в тылу 122-й стрелковой дивизии того же 42-го корпуса, есть основания полагать, что на вашем участке фронта готовится проход группы немецких шпионов высочайшей квалификации. Повторюсь, цели и задачи этой группы нам неизвестны! Но нет сомнения и в том, что разведчикам такого уровня поставлены и соответствующие задачи.

Возможная цель выброски крупной разведывательной группы абвера – произвести подготовительную работу перед наступательной операцией с задачей перерезать коммуникации Кировской и Северной железных дорог и развить наступление войск. В случае успеха данной десантной операции войска Северного и Волховского фронтов могут оказаться в окружении! В Ставке Главнокомандования обеспокоены этими сведениями и требуют принять самые энергичные меры к недопущению замыслов врага к их реализации. Прошу разработать и предоставить на утверждение план, который включал бы в себя следующие агентурно-оперативные мероприятия:

- усиление службы воздушного наблюдения, оповещения и связи;*
- введение новых бланков и кодировки, бланков командировочных и других армейских документов;*
- дополнительный инструктаж личного состава подразделений охраны войскового тыла, в первую очередь контрольно-пропускных пунктов на дорогах, комендантских нарядов на железнодорожных станциях и морских причалах;*

– выставление секретов и засад на наиболее вероятных маршрутах перехода линии фронта...
Абакумов».

Северный фронт, Кандалакша, штаб 42-го стрелкового корпуса. Район озера Куоляярви

В прокуренной комнате в большой деревянной избе на северной окраине города проходило расширенное совещание командиров и политработников 42-го стрелкового корпуса. Присутствовали: командующий 14-й армией генерал-лейтенант Фролов, член Военного совета 14-й армии дивизионный комиссар Крюков, командир корпуса генерал-майор Панин, бригадный комиссар Исаев, командиры дивизий: 104-й стрелковой – генерал-майор Морозов, 122-й стрелковой – генерал-майор Шевченко, а также комиссары, начальники штабов и особых отделов¹⁶.

Докладывал начальник штаба 14-й армии генерал-майор Сквирский:

– ...на участке обороны сорок второго стрелкового корпуса, по данным нашей разведки, немцы сконцентрировали 36-й немецкий армейский корпус в составе 163-й и 169-й пехотных дивизий, 3-й горнострелковой дивизии, а также части 3-го финского армейского корпуса. Общая их численность более шестидесяти тысяч человек, и даже без учета финских солдат это многократно превышает по численности наши части. Имея задачу овладеть Кандалакшей и перерезать Кировскую железную дорогу, противник, получив подкрепление от 3-го финского корпуса, овладел городом Аллакурти. Наша 122-я стрелковая дивизия отошла на 25-й километр и заняла оборону на рубеже озер Куоляярви и Апяярви, с севера на юг. На южном фланге заняли оборону полки 104-й стрелковой дивизии. Прорвавшиеся же в район 10 км восточнее Кайлара немецкие и финские части были не только остановлены, но и разгромлены. С тех пор отражая постоянные фланговые атаки противника, наши части постоянно контратаковали и отбрасывали вражеские подразделения назад. В настоящий момент ситуация стабилизировалась, но учитывая сложность обстановки, мы готовим очередной рубеж по реке Тумча. У меня все.

Генерал Фролов поднял голову:

– Товарищи командиры и политработники! У нас находится начальник Особого отдела Северного фронта товарищ Куприн. Он сделает важное сообщение. Обращаю ваше внимание на его конфиденциальность. Записей делать не надо.

Комиссар госбезопасности третьего ранга Куприн прибыл на совещание в армейской форме без знаков различия. Занимая высокое положение, тем не менее он оценивал и ценил в людях высокий уровень профессионализма, сам оставаясь необычайно скромным в быту человеком.

Поправив гимнастерку, он будничным голосом сообщил:

– Ставка Верховного главнокомандования взяла на контроль все, что касается данных событий на нашем фронте. Сам Верховный проявил к этому интерес! Прошу и вас проявить самое пристальное внимание к тому, что я довожу до вашего сведения. Сегодня утром на участке 122-й стрелковой дивизии был зафиксирован выход в эфир вражеского радиопередатчика. Вместе с тем нам стало доподлинно известно, что немцы готовят какую-то крупную операцию в нашем тылу силами диверсионных подразделений абвера. Предположительно их цель – Кировская железная дорога. Прошу командиров и политработников принять все надлежащие меры для недопущения проникновения врага через линию фронта, а также усилить

¹⁶ Описываемые события и действующие лица на Северном фронте реальны. Автор оставил за собой лишь трактовку некоторых эпизодов.

охрану тыловых подразделений! Начальникам Особых отделов лично бывать на переднем крае обороны и отслеживать ситуацию с несением постовой и караульной службы! Кроме того, нами разработан план оперативных мероприятий. Прошу ознакомиться, но выносить отсюда запрещаю...

11 августа 1941 г.

Позиции 3-го батальона 122-й стрелковой дивизии Красной армии

Капитан Архипов стоял в окопчике боевого охранения стрелкового батальона и до рези в глазах вглядывался в мутную предрассветную пелену. Этот склон господствующей над местностью горы не давал ему покоя. Немцам удалось здесь вклиниться в нашу оборону, потеснить 715-й стрелковый полк и действовавший с ним 3-й танковый батальон, имевший в наличии лишь восемь легких танков БТ и три огнемётных танка. Враг несчетное количество раз массированным налетом авиации и сильным артиллерийским обстрелом предпринимал яростные атаки пехотой при поддержке танков. Горел лес, в жаркую погоду сухой, как порох. Небо заволакивало дымом. Да и каменистые осколки представляли опасность не меньшую, чем шрапнель. Они секли лицо и тело, а от пыли нечем было дышать. Но стрелки, танкисты и артиллеристы, тесно взаимодействуя между собой, удерживали занимаемые рубежи.

Командир батальона капитан Мокрецов сидел на снарядном ящике поодаль, исподволь поглядывая на внезапно нагрянувшего представителя Особого отдела фронта. Этот парень, капитан Архипов из фронтовой контрразведки, на вид казался абсолютно свойским, но Мокрецов не ждал ничего хорошего от его появления в расположении батальона. Его терзало нехорошее предчувствие. Ведь не далее как вчера командир полка в присутствии начальника штаба дивизии опять требовал, чтобы он, комбат Мокрецов, сбросил наконец немцев с горы.

«А что я могу? О применении танков в составе батальона не может быть и речи. Бои на такой пересеченной местности могут вестись только мелкими группами. А у них против таких групп есть надежное противоядие – накидали минных ловушек, да и тяжелые пулеметы на каждом шагу...»

Вот и вечером, когда после взбучки от командира полка, молчаливо поддержанного начальника штаба дивизии, Мокрецов сидел у танкистов с их комбатом Володей Пелюшенко, он собственноручно только и мог, что рассказать об этом злополучном приказе. Нацедив из трофейной фляжки остатки рома в алюминиевые кружки, они выпили, крикнув, закусили трофейными же консервированными сосисками.

– Они что? Совсем ополоумели?! Куда я со своими «коробочками» по этому бездорожью? Скалы и крутые сопки, покрытые лесом, лощины и поляны, заросшие кустарником и усеянные валунами. А озера, горные речки, топкие болота? Да нас пожгут там, пока мы будем танцевать среди всей этой мерзости...

Вспомнив тот разговор, Мокрецов глубоко вздохнул: «Ломай теперь голову. Все равно ведь погонят брать ее! Не меня, так другого...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.